

Александр Яценко Хруп Узбоевич Воспоминания крысы-натуралиста

Предисловие Хрупа

Я — старая, дряхлая крыса Хруп. Именовали меня и иначе, но я хочу сохранить за собой только это мое первое имя, данное мне моими первыми друзьями, которым посвящаю свои записки. Попадут ли они кому-нибудь на глаза и прочтет ли их кто, если попадут, — не загадываю, но боюсь думать обратное. Тяжело жить и умереть не понятой, не выслушанной.

При жизни я многих понимала, но меня... никто. Повторяю, что это тяжело, очень тяжело, и я никому, даже врагу, не желаю такого ужасного одиночества. Все, что здесь написано, написано правдиво: я писала все, что видела, я писала все, что думала.

Я, конечно, могла ошибаться, но если ошибаются даже люди, то крысе это и подавно простительно.

Не посетуй, читатель, если где-либо тебе станет скучно при чтении моих воспоминаний:

иной раз, ведь, невольно занесешь на страницы то, что интересно только самому пишущему.

Я жду не похвалы твоей, а одного только сочувствия бедной дряхлой крысе, столько видевшей, пережившей и не имевшей никого при жизни, с кем бы поделиться мыслями. Но, если, читатель, ты возьмешь в руки мои воспоминания и заинтересуешься ими, прошу: не читай отрывками, не ленись прочесть первые главы, они многое тебе объяснят, и ты с большим доверием тогда отнесешься к моему бесхитростному повествованию.

Вот все, что я хотела тебе сказать перед тем, как ты начнешь читать мои воспоминания.

I

Мое детство. — Родители. — Первые шаги. — Мои преимущества. — Чудная кладовая. — Враги. — Жизнь подполья.

Во время моих частых странствований я не раз слышала, что воспоминания детства у людей считаются самыми отрадными. Признаться, о себе я этого не скажу: предпочитаю вспоминать с чувством особенного удовольствия лишь время после оставления места своего детства. Начать с того, что меня совсем не окружали те родительские ласки, о которых так много говорят люди: ни мать,

ни отец особенно о нас не заботились.

Хоть я и отличаюсь редкой памятью, но мне очень трудно вспомнить с точностью первые дни существования как моего, так и моих братьев и сестер; однако я все же немного могу судить о них по тем семьям, которые создавались в том же подполье во времена моей юности. Теперь же мне достоверно известно, что почти у всех семей родственных животных наблюдается одинаковая семейная жизнь. Руководствуясь этим, я смело полагаю, что моя мать с момента нашего с братьями и сестрами появления на свет ухаживала за нами очень мало и заботилась о нас ровно столько, только требуется от матери, не забывающей одной малой обязанности: кормить своих детей. С ужасом думаю, что, быть может, своим существованием я обязана счастливой судьбе, не допустившей появиться мне на свет хилой или не попасть как-либо неосторожно под тяжелые лапки моей грузной матери. Неподалеку в том же подполье одна, как теперь помню, куцая крыса погубила таким образом целых два своих выводка и только от третьего выкормила семь славных крысенят.

В свое время я тоже, очевидно, была маленьким, величиной с крупный боб, розовеньким существом, похожим на крошечного поросеночка. Вероятно, я также слабо попискивала и еле-еле копошилась на мягкой подстилке из посеревших

опилок. Единственным стремлением моим было, наверное, как у всех таких младенческих существ, кое-как добраться до теплого пухлого брюшка матери, чтобы жадно пососать живительного, теплого молока, а напившись, вытянуться и беспомощно прикорнуть в тесной кучке таких же братцев и сестриц.

Покормив нас, мать, побуждаемая постоянным голодом, покидала свое гнездо и куда-то уходила. Вставая, она без стеснения наступала на нас, от чего мы все хором начинали громко пищать. Иногда наша матушка, как и другие крысы-матери, благоволила подтыкать около нас своим рыльцем опилки и стружки, точно желая прикрыть нас на время своего отсутствия. Впрочем, если говорить правду, то все же мать нас любила больше, чем отец, на которого она яростно бросалась, когда он подбирался к гнезду. Здесь я позволю себе оговориться. Если я ясно помню свою мать, то отца своего я хорошенько даже не знаю, так как известно, что крысы-матери вообще не допускают к своему гнезду других крыс, в том числе и отца, пока ее голенькие дети не начнут покрываться сереньким пушком. Где же после этого узнать вообще своего родителя, тем более, что в юности моей все крысы казались мне удивительно похожими друг на друга.

Хоть смутно, но свою жизнь я уже начинаю

настоящим образом припоминать как раз со времени первого шерстистого пушка, который являлся для всех нас спасительным от нападений своих же собратьев. Я полагаю, что большие крысы не трогали нас в это время уже из смутного сознания, что, уничтожая нас, они губили бы вообще крысиную породу. Несмотря на наш мышиный вид, они умели отличать нас от мышей, которых всегда и везде усиленно истребляли. Впрочем, мать и дети, мы всегда были наготове и предпочитали избегать всяких столкновений, а детвора, по врожденному крысиной породе чувству, с первых же шагов мало-мальски самостоятельной жизни держалась всегда вблизи хороших, надежных убежищ. Такими убежищами были: трещины в досках, кучи щепок или опилок, комки войлока и т. п.

Мое детство. Нас было у матери, кажется, семеро детей, если не считать тех, которые, быть может, погибли вскоре после появления на свет в зубах нашей матери или отца. Зато оставшиеся в живых росли крепкими и здоровыми. Что же? Может быть, благодаря этой ужасной гибели хилых и пораненных еще в младенческом возрасте, остальные крысы и удерживают в себе крепость и здоровье крысиной породы.

Кормясь молоком матери, мы первое время мало заботились о других родах пищи, да и все

наше времяпровождение состояло только в изучении способа передвижения. Беспомощное барахтанье сменилось скоро правильным ползанием, а за ним мы как-то сами собой выучились пользоваться порознь и одновременно своими четырьмя лапками. Все чаще и чаще становились мы на задние ноги, слегка опираясь на тоненький коротенький хвостик. Скоро мы приобрели привычку смахивать передними лапками с рыльца приставшие капельки молока. Это обтирание вообще явилось вскоре потребностью, так как рыльца наши становились как-то особенно чувствительными, и мы чувствовали необходимость вытирать их возможно чаще, чтобы обнюхивать получше воздух. Такое обнюхивание оказалось весьма полезным в последующей нашей жизни, и я теперь нисколько не удивляюсь, что природа рано приучила нас умываться передними лапками.

Задние лапки тоже крепили день ото дня, и то один, то другой мы пробовали делать маленькие прыжки. Эти прыжки были преуморительны, так как молодые прыгуны не всегда попадали туда, куда нацеливались скакнуть. Если бы крысята обладали способностью хохотать, то это время нашей жизни, наверное, сопровождалось бы неумолкаемым хохотом. Однако искусство передвижения и вообще пользования своими

ножками и упругим хвостиком оказалось очень нехитрым, и через день, два все мы семеро ловко справлялись со всеми движениями, свойственными нашей породе. Мы быстро научились шмыгать вдоль стенок, вскарабкиваться с помощью цепких коготков на шероховатые щепки и доски, спрыгивать сверху вниз и вскакивать на невысокие чурки подполья. Где было нужно, мы ловко проделывали довольно значительные прыжки и ухитрялись моментально юркнуть в какую-нибудь щелку. Из всего этого я особенно отмечу укоренившуюся привычку пробираться всегда вдоль стенок и держаться больше в углах. Мы это делали бессознательно, но впоследствии я убедилась, что тут, вероятно, действовал мудрый закон природы, оберегавший нашу породу от несчастий: таким путем мы мало попадались на глаза нашим врагам, среди которых главными были люди и кошки. Если же впоследствии необходимость заставляла нас перебегать открытое пространство, то мы делали это особенно стремительно, избегая в это время всяких остановок.

Само собою, разумеется, что, выросши в темном подполье, мы настолько привыкли к темноте, что не только не избегали, а даже искали ее и более значительные прогулки совершали преимущественно под покровом ночи. Наши

маленькие черненькие глазки обладали большой остротой зрения, которая очень и очень помогала нашему поистине роскошному обонянию, которое люди зовут чутьем.

Все эти усовершенствования шли сами собой: мать нас ничему не учила. Впоследствии это обстоятельство привело меня к мысли, что только благодаря такой ранней самостоятельности дикий зверек с раннего возраста привыкает быстро соображать, как ему поступать в самых разнообразных обстоятельствах жизни. Более ловкие зверьки, мало-помалу развивая в себе находчивость, могут избегать самых разнообразных опасностей, а более неуклюжие гибнут, попадая в лапы или зубы своих врагов. Люди зовут это, как я потом узнала, «борьбой за существование», в которой тот только не погибает, кто умеет пользоваться всем тем, чем наделила его природа и что познал он из собственного опыта.

Я очень хорошо помню, как на моих глазах погиб один из моих братцев, забравшийся ночью в решетчатую западню с вкусным салом, и с тех пор я старательно обегала всякий предмет, похожий на эту западню и всякое место, от которого пахло погибшей крысой. После своей обильной приключениями жизни я хорошо знаю, что такое капкан, и заявляю открыто, что капкан, в котором погибли три, четыре крысы, приобретает

особенный запах, уловимый только нашим тонким чутьем. Не берусь решать — что это такое? Особый ли это запах испуганного животного, настоящий ли трупный запах, во всяком случае, это запах, вызывающий во мне, если не страх, то вполне справедливое опасение. Хитрый человек тоже догадался об этом и часто вываривает в кипятке старый, пробованный капкан перед тем, как поставить его для новой жертвы. Я это слышала впоследствии из разговора двух матросов на корабле.

В один прекрасный день мы, детвора, как-то все сразу разбрелись по подполью и после этого случая уже почти никогда не сидели в гнезде полностью: кого-нибудь да не доставало. То какой-либо из братцев просиживал подолгу где-нибудь за ящиками, куда забирался, испуганный внезапным шумом; то какая-либо из сестриц исчезала неизвестно куда и являлась в гнездо чуть не сутки спустя. Об этом никто никогда не заботился: ни мать, ни мы. Все мы росли маленькими себялюбцами. Это обстоятельство, да один случай, о котором я расскажу ниже, вероятно, и были причиной того, что во мне мало-помалу выросло чувство отчужденности от своей родни, облегчившее мне впоследствии тягость разлуки с родиной.

От молока матери мы отстали скоро, с

первыми признаками появления резцов. Это обстоятельство нисколько не мешало нам быть веселыми и сытыми. Все жившие в подполье крысы имели очень хорошую привычку натаскивать откуда-то всяких корок, костей, старых овощей, сальных тряпок и пр. Всего этого накопилось здесь столько, что с лихвой доставало на все молодое потомство, пока оно не достигало того возраста, когда могло и само свободно промышлять. Вся детвора — и я в том числе — очень скоро научилась утолять свой голод, наскабливая себе в рот при помощи резцов то крошек сухарей, то кусочки вкусного сала. Наша мать, хотя к этому времени уже больше не обращавшая на нас внимания, но жившая все же в своем гнезде, почти ежедневно что-нибудь тащила с собой. Если бы я хорошо не знала этой привычки, свойственной всякой порядочной крысе, то, наверное, признала бы в этом признак заботливости ее о нас.

Наши зубы. Время от времени мы принимались за грызение щепок и досок подполья. Они были совсем не съедобны, но к грызению их нас побуждала какая-то неловкость во рту от выраставших быстро резцов. Сколько бы мы ни ели твердой пищи, наши резцы не укорачивались; наоборот: стоило только ограничиться несколько дней мягкой пищей, вроде кусков сала или мяса, как мы чувствовали уже неловкость во рту и

спешили сточить о дерево и даже камень излишне выросший резец. Впоследствии я узнала из слов одного корабельного доктора, что наши зубы покрыты только спереди особым твердым веществом «эмалью», отчего они скоро от стирания приостраются. Если не стачивать их, они продолжают расти дальше и вырастают больше, чем следует. Таким образом, грызение явилось для нас прямо необходимостью укорачивать переросшие зубы. Я бы нашла эту необходимость довольно неприятной, если бы не утешалась тем, что наша крысиная порода была, зато обеспечена навсегда хорошими зубами, росшими, не переставая, всю нашу жизнь.

Скоро мы привыкли направлять эту потребность грызть в свою пользу: мы принялись, подобно взрослым крысам, крошить крупные щепки на мелкие для подстилок своих гнезд, а также выгрызать новые ходы из подполья наверх и вниз в места, где мы чуяли найти в будущем хорошую поживу.

Это время совпало у меня с первым пробуждением моей мыслительной способности: я становилась более наблюдательной, более стала вдумываться во все, окружающее меня. Впрочем, теперь, когда я стала уже старой одряхлевшей крысой и, следовательно, вышла из того возраста, когда меня можно было бы попрекать

хвастовством, я могу сказать проще: я росла выродком из крысиной породы, так как у меня развивался ум, не свойственный крысе, ум, которому впоследствии удивлялись знавшие меня люди. К великому своему сожалению, я не могла воспользоваться им на благо моих сородичей, но он дал мне возможность провести мою собственную жизнь так, как никогда еще не проводила свою ни одна крыса на земле. Но не буду уклоняться в сторону — все в свое время!

Итак, я начала мыслить. Первое, как теперь помню, поразившее меня обстоятельство было то, что многие проделанные нами ходы вскоре оказывались кем-то вновь заделанными. В том месте, где прежде зияла дыра, достаточная для прохода большой крысы, вдруг появлялась новая доска, которую приходилось вновь прогрызать. В других углах на месте прежнего хода появлялся откуда-то камень, с которым бороться нашим зубам было еще труднее. Приходилось даже бросать грызение, когда на месте бывшего хода неожиданно оказывалась какая-то масса, о которую зубы мы больше ломали, чем точили, а губы и мордочки быстро ранили до крови. Теперь я знаю, что это было толченое стекло с глиной и щебнем, забиваемое в наши ходы нашим умным врагом, человеком. В то время я только удивлялась всему этому и, подобно остальным крысам,

ограничивалась тем, что выискивала другие места для работы своим зубам.

Пробравшись сквозь прогрызенный моими сородичами ход, я попадала обыкновенно в большое помещение с высокими потолками и хорошо освещенное длинным отверстием с железными прутьями поперек него. В этом помещении по стенам шли длинные доски и шкафы, уставленные разными предметами. Под досками также висели разные вещи. От всего несло чрезвычайно приятным для крыс запахом. Это был огромный запас съестного, и мы, крысы, считали его собственностью и никогда иначе и не думали. Соблюдая свойственную всем крысам осторожность, мы спокойно добирались до полок и всячески старались раздобыть себе чего-либо поесть, а, если можно, то и унести в свое подполье. Это было, однако, не так легко, так как приходилось пускаться на всевозможные хитрости, чтобы достигнуть до самых полок, которые начинались довольно высоко. Еще труднее было добираться до того, что висело. В минуты опасности оттуда иногда приходилось прыгать прямо вниз и порядком-таки ушибаться. Однако многие из нас в совершенстве научились добираться до этого чудного запаса и с большой ловкостью и стремительностью убираться подобру-поздорову, когда это было необходимо. А

необходимо это было, к нашему огорчению, очень и очень часто: это огромное помещение было полно таинственных чар и ужасов для нас, особенно молодых крыс. Всюду нам чудились врага и всюду они были: живые и неживые...

Из живых врагов главными были люди и кошки. В то время я, конечно, не имела никакого представления об этих грозных для нас названиях, а просто ужасалась при появлении этих больших существ, умевших всячески истреблять нашу породу. Я где-то слышала, что в большом числе крысы отваживались нападать на этих врагов, но, признаться, я мало этому верю или это уже были исключительные случаи. Нас в подполье и по-соседству было очень и даже очень много. Мы спокойно могли бы сплошь облепить своими телами самого крупного человека, но мы никогда на это не отваживались: в голову не приходило. А если бы и пришло, то я, право, не знаю — была ли бы победа на нашей стороне. Впрочем, это не совсем так. Когда мы чуяли, что враг был слаб (например, когда это были дети, котята), или когда мы были в очень большом числе, или, наконец, когда кто-либо из нас не видел другого исхода, — мы становились даже дерзкими, хозяйничали, а при случае, сломя голову, кидались на врага, кусали его и из преследователя превращали в преследуемого. Но все же в нашем подполье это были редкие случаи, и

все, на что мы решались, благодаря своей численности, — было смелое нападение на съестное и удирание во все лопатки только тогда, когда сильный враг наш появлялся уже слишком близко. Даже в присутствии человека некоторые из нас отваживались оставаться в этом помещении, притаившись где-нибудь в заставленном углу. Но дальше этого храбрость многих из нас уже не шла.

Как ни странно, но некоторых кошек мы боялись больше, хотя сравнительно с человеком они были ничтожеством. На наше несчастье, в углу той стены, которая иной раз внезапно отходила в сторону, было проделано большое отверстие, через которое свободно проходила всякая кошка. Когда нас в помещении набиралось много, мы не особенно боялись кошек я на слабых даже дерзко нападали, но в единоборство вступали только с молодыми кошками, старых же старательно избегали. Особенно боялись мы одной серой большой кошки с надломленным хвостом, как-то раз где-то ущемленным. Эта кошка была просто ужасна в те времена, когда за стеной нашей кладовой раздавался писк ее маленьких детей. Тогда многие смельчаки из нас платились жизнью за свою смелость попадаться к ней на глаза, и число посетителей этой чудной кладовой становилось гораздо малочисленнее. Молодые крысы в такую пору гибли частенько, а так как, как я выше сказала,

родители крысы не дают молодежи никаких советов, то это нисколько не образумливало остальную молодежь. Если лично человеку редко удавалось загубить одну, двух крыс ударом палки или ноги, то их ловким помощникам, кошкам, собственно говоря, ничего не стоило заполучить пару-другую зазевавшихся крысенят, зацепив их удивительно рассчитанным взмахом когтистой лапы.

Я с содраганием вспоминаю собак. Эти два врага наши были, так сказать, постоянные, но были у нас и случайные, редкие, но, пожалуй, более страшные. Среди них я с содраганием вспоминаю о небольших собаках-крысоловах и в особенности терьерах. В своей жизни я видела раз, как один белый с черным пятном на глазу терьер задавил ни больше, ни меньше как несколько десятков крыс, выпущенных с ним в одну загородку.

Много и других страшных нашей породы. Я сама была раз свидетельницей, как ночью в отверстие, освещавшее кладовую, тихо влез какой-то длинный темный зверь величиной с кошку, но много уже, с пушистым недлинным хвостом и темной, как у крысы, мордочкой. Все наши в это время были заняты обычным походом за съестным.

О, что случилось в кладовой в какие-нибудь десять минут времени, как выражаются люди!

Длинный зверь, встреченный почти без опасения нашими, с быстротой, много превосходящей быстроту кошки, налетел на ближайшую крысу и в мгновение ока прокусил ей череп. После этого он столь же стремительно бросился на другую, затем на третью, четвертую... и вскоре более десятка крыс уже лежали бездыханными!

Я, не помня себя от страха, кое-как вдоль стены, под полкой пробралась в другой конец кладовой, шлепнулась там на пол, больно ушиблась и, ковыляя, добралась-таки до спасительной дыры, в которую и скрылась. В наше подполье с шумом посыпались через все ходы другие беглецы, и в кладовой наступила гробовая тишина.

Мы не скоро отважились заглянуть вновь на место нашего поражения, а когда, наконец, побороли свой страх (впрочем, он у крыс проходит сравнительно очень скоро), то нашли только трупы наших сородичей. Из голов некоторых был выеден мозг. Впоследствии, во время своих странствований, я ближе познакомилась с этим страшным зверем и узнала его название. Это был один из хорьков, которые, как мне теперь известно, совсем не охотятся на крыс, но, отличаясь зверской кровожадностью, нападают ночью на всех, кого считают слабее себя.

Но как ни страшны наши живые враги, они

все же не страшнее других врагов — молчаливых, неподвижных, но гораздо более грозных. Я разумею всевозможные ловушки, расставляемые человеком для искоренения нашей крысиной породы. Теперь я, впрочем, склонна думать, что эти ловушки только укрепляют нашу породу, так как уничтожают неловких, невнимательных, глупых крыс, а все ловкие, умные крысы, избегая западни, остаются жить и выращивают, следовательно, также более ловких и умных детей. Но не в том дело: все же ловушки — препорядочная гадость. Пожив на свете, я научилась презирать всякое лукавство и ложь. Уважая человека за его ум, я не могу простить ему его ужасных ловушек. Думаю, что и он попал бы в какую-нибудь, если бы ему кто-либо из зверей сумел бы ее поставить.

Я не стану описывать этих ужасов нашей кладовой, а скажу просто, что не один десяток самых отборных крыс погиб во всевозможных бочках с водой, предательски прикрытых мякиной трухой, в железных челюстях капканов, в щелкающих клетках, в клетках, в которые легко войти, но выйти невозможно, так как в выходе торчат острия железных игл, в удавках и еще, невесть каких страшных, отвратительных орудиях!

Но всего ужаснее для всех нас в нашей кладовой было то, что мы положительно не могли

относиться с доверием к самому важному для нас — к тем яствам, которые, по нашему мнению, были в кладовой для нашего пользования. Войдите же теперь в наше положение: что должна чувствовать умная крыса, которая после многих трудов, измышлений и уловок доберется до высокой полки со вкусным салом? Ведь, добравшись, она должна непременно задуматься: что ее ожидает? Награда ли за ее крысиные преимущества или смерть, мучительная, ужасная смерть? Последнее было и было не раз...

Особенно подозрительными для умных, пожилых крыс были длинные комочки вкусного, сладковатого теста, лежавшие даже не на полках, а прямо у наших ходов. Разумеется, умная крыса пошевелит своим носом, покосится на неожиданно объявившееся блюдо и... пойдет себе обычным путем, по старому следу, на излюбленную полку. Ну, а молодежь, обрадовавшись легкой добычей, живо и жадно схватывает лакомые кусочки, стремительно утаскивая в подполье то, чего не доест наверху.

И платятся же молодые крысы за эту необдуманность — мрут десятками! Хорошо еще, если умирать уходят куда-нибудь из подполья, а то некоторые умирают тут же и так пропахнут, что нам-то, крысам, ничего, а люди забеспокоятся и начнут вскрывать свои полы, т. е. наши вековые

потолки, обнажая наши насиженные места! Труп-то найдут и уберут, ну да и вычистят же то место, которое открыли: все тряпки, кости, корки, что служат первым кормом нашим крысенятам, всю мягкую труху, стружки — все уберут, да еще битого стекла насыплют! Просто хоть выбирайся совсем из подполья. Первое-то время все крысы, действительно, и уйдут; крысенята, которые еще малы, разумеется, попадают уже в руки людей, ну а через неделю, другую опять начинается заселение подполья!

Да, подумайте, чего это стоит! Ведь нужно опять ходы грызть, мочалу да стружки таскать, провиант запасать, обживаться, прилаживаться! Вот к чему приводит неразумие молодости. Впрочем, крыс-родителей не похвалишь: детей-то уму-разуму поучить не догадываются. Ну да, в нашем подполье такой случай был только раз, а после него как-то и сама молодежь перестала обращать внимание на белые шарики да катышки.

Так-то среди приволья и опасностей и росли все мы, молодые крысы, а среди них и я. И все мы, хоть не думали, да чуяли — проживем до старости в своем подполье, а придет время умирать, заберемся куда-нибудь подальше от подполья по-соседству, да и окончим свою жизнь, забившись в какую-нибудь трущобу, вроде валежника. О насильственной смерти никто из нас не помышлял.

Да, впрочем, правду говоря, ни о какой смерти мы не думали, а жили себе да жили, а гибли больше в когтях у кошек, у совы-птицы, если кто в ночное время по двору перебегал, наконец, в ловушках, а то и в крынке молока, захлебнувшись. Естественной смертью умирали, вероятно, очень мало, да и умирали ли?

Теперь я не могу не вспомнить всего. На мою же долю выпало нечто иное и такое иное, что теперь я на старости и дряхлости лет не могу не вспомнить всего, что со мной случилось, потому что то, что я пережила, вероятно, не переживала, да вряд ли и переживет какая-либо другая крыса. Много перевидела я на своем веку, многому поучилась, многое узнала и теперь с особенной любовью обращаю свое одряхлевшее внимание на мою жизнь после оставления мной моей родины — теплого, уютного, сытного угла в подполье, который я покинула без грусти и за которым для меня началась новая чудная пора приключений.

II

Материнство страшной кошки. — Моя любознательность. — Прерванный поединок. — Погоня. — Я спасена! — Чудный уголок. — Изгнанные законные владельцы.

В один прекрасный день я рассталась с подпольем. Вот как это случилось.

Страшная с ломаным хвостом кошка обзавелась новым потомством. Об этом мы скоро все узнали по дружному писку за стеной нескольких созданий, которые со временем должны были вырасти и превратиться в наших заклятых врагов. У крыс нашего подполья, конечно, не было никаких совещаний, но все словно уговорились быть вдвое осторожнее, и посещения кладовой совершались уже не так ретиво.

К этому времени я выросла вполне и приняла вид красивой большой крысы прекрасного темно-бурого цвета. Хвост мой был идеалом крысиной красоты и, конечно, не был еще так ужасно обезображен ссадинами, царапинами, как у пожилых крыс. Волосы покрывали его ровно и не торчали так, как теперь, когда я пришла в почтенный возраст. Я была очень развитая крыса и свой крысиный ум считала для себя особым приятным украшением жизни. Не только все крысиные уловки мне были знакомы до тонкости

так, что я могла поспорить в этом отношении со всеми стариками нашей колонии, но мой разум далеко перешел границы крысиной учености. Я заметила в себе замечательную особенность — я научилась мыслить и рассуждать совсем не по-крысиному. Всякое событие вызывало меня на размышления, во все я всматривалась, все изучала и многое уясняла из того, что — как я хорошо видела — было совершенно непонятно другим крысам не только из соседних семейств, но даже из моей собственной родни. Мне было даже досадно, что никто не мог разделить со мной моих мыслей, предположений и сомнений. Впрочем, эта досада сидела во мне и ничем особенным в поведении моем в глазах других крыс не обнаруживалась. Если бы мои товарки могли думать и понимать больше, чем им положено природой, то они просто сочли бы меня более смелой, даже безрассудной крысой. Это им показалось бы главным образом потому, что я, видимо, презирала всякую опасность со стороны наших многочисленных врагов и расхаживала всюду по нашим владениям так же спокойно, как будто жизнь текла среди одних только благополучии.

А между тем дело было очень просто. Я мало-помалу развила в себе такую способность вдумываться в обстоятельства и вместе с тем находчивость, что в своих прогулках по нашим

владениям принимала самые тонкие предосторожности. Я почти наперечет знала все западни кладовой, хорошо изучила двуногих и четвероногих врагов и даже всякую новую опасность умела почти угадывать и, угадав, избегать самым ловким способом. Согласитесь, что при таких удивительных способностях я могла быть совершенно спокойной за свое благополучие и совсем не портить моего всегда очень хорошего настроения духа.

К тому же я была всегда сыта, ела то, что считала особенно приятным для своего желудка, держала в полной чистоте свое тело, что, впрочем, у крыс положительная редкость, тщательно следила за размерами и остротой моих крепких резцов, которые кормили и защищали меня. Да... и защищали, так как я не только умела отражать всякие нападения своих иногда задорных товарок, но даже повоевала раза три и весьма успешно с молодыми кошками, разумеется, теми, в которых сразу видела неопытных врагов. Я была слишком благоразумна, чтоб пробовать единоборство с завзятыми крысоловами-кошками, а кошку с надломленным хвостом и прямо избегала, хорошо зная, что с ней мне несдобровать.

Жила я одиноко, хотя вблизи своего старого гнездовья, в углу подполья, между двумя как-то попавшими сюда кирпичами. В глубине этого угла

я выгрызла себе нечто вроде логова и сладко дремала после прогулок на мягкой подстилке из нагрызенных мной щепочек. Из этого логова я частенько уходила на прогулки, или ради разведок, или ради добычи провианта, или, наконец, просто из зародившейся во мне страсти к странствованиям.

Итак, было время материнства нашей истребительницы — покалеченной кошки. Я очень хорошо знала, как никто из моих товарок, где устроилась со всем семейством эта ужасная тварь. Я даже по писку ее детворы знала, что детей у нее было не менее пяти штук, и даже пыталась сделать некоторого рода выводы о степени голода и раздражительности их матери, нуждавшейся в постоянном подкреплении сил после каждой кормежки своих котят, но это, признаться, мне совершенно не удавалось, и я бросила заниматься столь бесцельным занятием. Я удовлетворялась тем, что, забравшись раз в помещенье, где слышался противный писк котят (разумеется, я сделала это в отсутствие их матери), точно определила, что местом ее гнезда был большой ящик, наполненный соломой. Теперь я догадываюсь, что родиной котят был чулан с бутылками, в которых, вероятно, хранились различные жидкости: вино, уксус, масло и пр. Свой осмотр я постаралась сделать возможно поспешнее, но все же обстоятельно. Нам, крысам, это, впрочем,

не в диковину, так как мы вообще отличаемся умением сразу распознавать обстановку и места, где имеются укромные спасательные уголки. Помню, между прочим, в этом чулане имелась большая трещина в досках, которая вела, очевидно, под пол и, следовательно, была хорошим убежищем для крысы в случае опасности. Сделав подобные сему наблюдения, я была покойна за себя даже и тогда, когда по писку котят догадывалась, что мать пришла их кормить.

В такое время я спокойно хозяйничала на верхней полке кладовой, лакомясь прекрасным мясом (вероятно, окороком ветчины). Я ловко спускалась на него по веревке, на которой оно было подвешено снизу к полке. Прислушиваясь к малейшему изменению писка кошачьего семейства, я все время была настороже, готовая во всякую минуту выполнить намеченный план на случай спасения, т. е. скакнуть с мяса на нижнюю полку, по стенке добежать до угла, по свесившейся рогоже от мешка с каким-то железом — на кадку с маслом, с кадки — на скамью, со скамьи — в угол, где уже имелось хорошее отверстие, заткнутое когда-то тряпкой, но потом вновь раскрытое нашими общими силами.

Этот обед мой был последним в родном подполье. Вкусно закусив, я принялась было за умыванье, как вдруг в соседнем чулане произошло

что-то совершенно неожиданное. Котята запищали как-то особенно нестройно. Мать, очевидно, сразу выскочила из своего гнезда, чего с ней, по моим прежним наблюдениям, никогда не случалось. Я ожидала быстрого появления кошки в кладовой через кошачью дыру и мгновенно приготовилась к бегству. Но кошка не появилась, напротив — слышно было, как она быстро исчезла куда-то из чулана и где-то раздались ужасные крики и шум, сопровождавшиеся возней.

В таких случаях наши крысы обыкновенно особенно смело начинали хозяйничать по кладовой, пользуясь благоприятной минутой отсутствия врага, но я поступила иначе.

Моя мысль быстро заработала. Очевидно, случилось какое-то событие, которое мне нужно изучить, дабы знать, как к нему относиться в будущем. Быть может, этому решению способствовало и то обстоятельство, что я только что поела и потому никаких особых планов не наметила, но теперь я предприняла план смелый, даже для меня. Я решила идти в кошкин чулан за дальнейшими разъяснениями.

Добраться до дыры было для меня делом нескольких секунд. Высунув в нее мордочку, я пошевелила усами, потянула воздух, прислушалась к пisku еще не успокоившихся котят и зорко оглянулась кругом, ища места, куда могла

скрыться кошка. Это было нетрудно, так как чулан оказался приотворенным, и в широкую щель открывшегося отверстия я увидела все то, что меня так заинтересовало.

Чулан выходил в новое помещение, очень хорошо освещенное и обставленное такой массой разнообразных предметов, что я теперь по памяти затрудняюсь их перечислить, да нахожу это, пожалуй, и лишним. Я могу теперь просто сказать, что комната была ничем иным, как кухней, в которой наши враги, люди, из разной и без того вкусной и питательной пищи приготавливают еду, по их мнению, еще более вкусную и питательную. Про себя скажу, что кухни мне впоследствии нравились только чрезвычайно приятным ароматом, и если бы я, подобно людям, напускающим в свои комнаты разные запахи цветов и еще каких-то пахучих веществ, захотела надушить свое логовище и могла выбирать духи по своему вкусу, то я остановилась бы непременно на этом чудном, благоухающем запахе кухни.

В кухне было несколько существ, из которых люди и наша кошка мне были уже достаточно знакомы. Но, кроме них, по комнате носилось какое-то новое существо много больше кошки, но меньше людей. Видом оно было для меня прямо диковинно, но теперь я просто скажу, что это была одна из собак с гладкими отвислыми, по-моему

безобразными, ушами.

Собака, яростно кидалась, к великому моему удовольствию, на нашего врага, стараясь схватить кошку половчее за шиворот. Нашу кошку в этот момент я бы даже не признала, если бы не предполагала встретить. Она как-то вся изогнулась, шерсть на ней встала дыбом, отчего кошка казалась вдвое больше; ломаный хвост распушился и стал похожим на хвост хорька, а голова и морда превратились в какую-то сплошную гримасу. Каждый раз, когда собака налетала, кошка как-то странно подскакивала на одном месте, и вместо ее обычного протяжного мяуканья изо рта ее слышалось странное не то шипенье, не то пыхтенье. Вслед за этим следовал быстрый взмах ее страшных лап, и я ясно видела, как сверкали в воздухе острые когти ее с намерением вцепиться собаке в морду. Но собака не унывала и, почти ложась на свои передние лапы, оставив обе задние стоять, обдавала своего соперника таким зычным голосом или лаем, как сказала бы я теперь, что, по моему мнению, одного этого лая было уже достаточно, чтобы ошеломить такого небольшого врага, каким являлась сравнительно с собакой наша кошка. Я была от радости настолько уверена в победе громогласного борца, что решила пробраться к самой щели приоткрытого чулана, чтобы получше посмотреть на предполагаемую мною скорую

гибель нашей истребительницы. Это было опасное решение, но еще опаснее было то, что я сделала потом и на этот раз уже невольно: я вылезла совершенно из чулана и села на полу кухни на самом виду у всех действующих лиц.

Не знаю, чем бы кончилась эта удивительная борьба, так как конец ее был прерван самым неожиданным для всех образом и в особенности для меня.

Стоявшие вокруг с очевидным любопытством люди вдруг как-то особенно всполошились, закричали, замахали руками и сразу бросились в ту сторону, где, превратившись вся в зрение и слух, сидела я.

Произошло что-то невероятное... Кошка как-то сразу съежилась, повернулась и стрелой метнулась в чулан, перемахнув скоком через меня. Этот момент был ужасен, и, как теперь помню, в мыслях моих все как-то сразу перепугалось. Где-то в груди екнуло. Я мгновенно припомнила целый ряд смертей крыс в когтях у кошек, в капканах, от отрав и тут же как-то сразу приготовилась проститься навсегда с прошлой жизнью, показавшейся мне на мгновение чудной и незаменимой. Но это был только момент, пропавший в то же самое мгновение, когда поломанный хвост страшной кошки исчез в темноте чулана. За этим моментом последовал ряд других,

но уже быстро, как молния, обдуманных. Я присела и, помня нашу крысиную уловку, быстро метнулась к стене, вдоль которой помчалась, сколько во мне было сил. Я сделала это из чувства безотчетного самосохранения, но это оказалось необходимым, так как вслед за мной бросились все. Впереди неслась собака, оказавшаяся на этот раз таким же врагом крыс, как и кошка.

Встречая на пути своем разные препятствия, я быстро шмыгала вдоль всевозможных длинных и коротких стен, шедших какими-то удивительными зигзагами, встретила неожиданно целую гору из полок, скоком помчалась по ним и преследуемая опасным врагом мчалась все вперед и вперед. Если бы не зигзаги моего пути, то враг мой меня давно бы настиг. Я это сразу заметила и благодарила судьбу, пославшую мне такой извилистый путь. Но все же спасение было сомнительно и тем более потому, что враг у меня оказался не один. Откуда-то полетели какие-то предметы, попадавшие довольно метко в те места, которые я только что покидала в своем безостановочном беге. Мне приходилось бежать, увертываться и мгновенно решать труднейшие вопросы быстрого спасения. Шум и гам стояли невообразимые. Еще несколько минут такого ужасного бегства, и — я была уверена — наступит мой конец. Мысли мои, всегда столь быстрые и точные, начали путаться...

Но эти ужасные минуты были преддверием к моей счастливейшей жизни, и я благодарю судьбу, пославшую мне такое испытанье.

Вдруг пред моим уже мутневшим взором блеснул яркий свет: стена, вдоль которой я мчалась, отошла. Раздался ужасный крик... Кто-то грохнулся, перегородив мне дорогу. Я вскочила на это неожиданное препятствие... чуть не запуталась в складках каких-то тряпок... перелетела через них... метнулась через открывшееся передо мной чистое пространство пола и мгновенно юркнула за большой круглый столб в самом углу комнаты. О, счастье! Стена и поверхность столба — то была печь, суженная в углу, — лишали возможности добраться до угла не только мчавшейся за мной собаке, но даже и кошке, если бы она была среди моих преследователей.

Но велика и несказуема была моя радость, когда в углу, который и без того казался мне спасительным, я нашла чудный ход под пол и даже со следами чьих-то острых зубов! Ход был довольно тесен для моего грузного тела, но все же вполне удовлетворительный, и я через несколько секунд могла не только спокойно остановить свой стремительный бег, но даже заняться делом, свойственным только одним безмятежным минутам жизни крыс, — умываньем, так как попала в чудный уголок для жизни такой одинокой

мечтательницы, как я. Я даже удивилась такому быстрому переходу от сильного страха к полному спокойствию, но такова была, может быть, особенность моей натуры, отличавшей меня от моих других сотоварок.

Не прошло и часу, как вдоволь надумавшись о только что происшедшем, я приступила к осмотру моих новых владений. Своего угла под кладовой я не только не жалела, но как-то сразу решила не искать к нему обратного пути. Да это было и опасно даже для такой рассудительной крысы, каковой выросла я. Подполье, в которое я попала, было по высоте таким же, как первое, только в нем было несколько чище, так как оно, очевидно, не было населено такой огромной колонией, какая жила в родном мне подполье. При тщательном осмотре я не нашла в нем и признаков жизни крыс, хотя какие-то существа, видимо, в нем жили и притом почти той же породы, как и мы. Как и в наше, в это подполье было натаскано много провианта в виде сухарей, замасленных тряпочек, косточек; всюду лежали нагрызанные щепочки и опилки; отовсюду шел запах крысиной породы, но гораздо нежнее, чем в нашем подполье.

Немного пришлось мне подумать, чтобы догадаться, что я попала во владения зверьков, для которых мы были, может быть, еще более опасными врагами, чем кошки для нас. Это было

обиталище тех мышей, которые изредка попадали в наше подполье, преследуемые нашими общими врагами — кошками или притащенные нашими крысами-охотницами. В ближайшую ночь я воочию убедилась в присутствии мышей, заметив несколько смутных теней, прошмыгнувших вдоль стен и по углам подполья. Я выросла среди обилия пищи и, к радости своей, сумела воспитать в себе не свойственную свободным крысам незлобивость, поэтому я была бы даже довольна, если бы настоящие владельцы нового подполья вернулись к своим гнездовьям и помирились со своим новым родственником по крови сожителем. Но эти крошечные создания, очевидно среди своих положительных качеств, не обладали для того достаточной смелостью, и мое присутствие в подполье навсегда изгнало их из их исконного обиталища. По крайней мере, они не вели себя больше хозяевами, и те, с которыми случайно приходилось встречаться, быстро улепетывали от меня в узкие щелки, вполне недоступные мне.

Куда они скрылись, — я не знаю, да особенно и не старалась узнать. Я догадывалась, что столь обширное строение, по которому я пропутешествовала таким неожиданным образом, заключало в себе не одно подполье, способное вместить целые сотни семейств этих крошечных творений близкой нам породы.

Разобравшись в своем новом жилище, я принялась устраиваться в нем поудобнее. Я устроила себе уютный уголок для мечтаний и отдыха, сгрудила в кучу довольно значительные запасы провианта, натасканные прежними владельцами. Присмотрела я удобные места для подтачивания моих резцов, для чего наметила, между прочим, обломки кирпичей, причем с удовольствием отметила отсутствие даже признаков битого стекла. Наконец, я решила на случай подправить для свободного прохода ту дыру, которую прогрызли мыши и в которую я спаслась во время своего бегства. Этим проходом я решила пользоваться для своих прогулок для наблюдения за жизнью моих надпольных соседей, которых в то время я еще считала своими врагами.

Не могу передать здесь того чувства полного удовлетворения, которое понемногу закралось в мою крысиную душу, когда я окончательно убедилась через несколько дней, что новое жилище мое было гораздо милее и уютнее прежнего, где я вела так сказать общественный образ жизни. Хотя запас пищи для продолжительного обитания и не мог назваться обильным, но все же он был и не мал, а излишек на случай я рассчитывала добыть себе впоследствии, когда, пуская в ход свою сообразительность, достаточно изучу окрестности, полагая, что и они не лишены чего-либо вроде

нашей огромной кладовой. Ниже будет видно, что хоть все совершилось и не так, как я думала, но все же я не ошиблась в предположении не терпеть недостатка.

III

*Мои новые соседи. — Мыльные пузыри. —
Отравленный кусок. — Смерть врагу. —
Разочарование. — Приятные дары. — Злодейский
умысел. — В плену.*

В следующую же ночь я сделала первую попытку пробраться наверх и понаблюдать за двуногими обитателями, но произвела пока только очень беглый осмотр. Ближе познакомилась я со всеми окрестностями только по прошествии нескольких дней.

Угол за печкой оказался принадлежавшим большой и светлой комнате с новой диковинной для меня обстановкой. Описывая теперь, я могу все называть настоящими названиями. Это было просторное помещение, в котором жили дети хозяина всего того здания, по которому я так неожиданно пропутешествовала. Моими сожительницами были две девочки. Эти девочки мне почему-то с самого начала не казались страшными, и я более боялась жившей вместе с ними взрослой женщины, обращавшейся с

девочками так, как будто она была им мать. Только это была не мать, как я убедилась позже. Таковую женщину люди зовут няней.

Мое впечатление о характере этого существа было неблагоприятное. Я считала ее за сердитое создание, по крайней мере, по отношению ко мне. Насколько мило относились к моему присутствию впоследствии сами девочки, настолько недружелюбно встречала, увидев меня, их няня, которая, к моему удивлению, в то же время, видимо, даже боялась меня. Признаться, мне последнее было уже совсем непонятно. Подумайте сами: мог ли быть смысл в том, что люди, истребители крыс, одновременно преследовали бы нас и боялись нашего преследования?

Я и теперь остаюсь при этом мнении и нахожу в человеке боязнь крыс чувством, неприличествующим человеческому достоинству. В своей жизни я с удовольствием отмечаю полную безбоязненность мою по отношению к существам менее сильным, чем крыса. Впрочем, под силой я подразумеваю такое свойство, которое дает животному какое-либо преимущество перед другим. Мал зверек ласка, похожий на хорька, только величиной всего в две-три мышки, поставленные одна за другой, а я его считаю посильнее себя и опасным врагом. Когда откуда-то забрался в здешние края этот кровожадный зверек и

на моих глазах успешно охотился по окрестностям за мышами, я хорошо изучила его манеру нападать и навсегда отказалась от единоборства с ним. Я старательно избегала его и была несказанно рада, когда ласка, наконец, исчезла из моих владений так же внезапно, как и появилась.

Перейду, однако, в своих воспоминаниях к тем обстоятельствам, которые привели меня к знакомству не только с обитателями верха моего подполья — девочками и их няней, но и с другими обитателями дома (так звали, как я узнала потом, все помещение, где были все наши подполья).

Знакомство с двумя девочками — я вполне справедливо могу назвать их этим именем за те дружелюбные отношения, которые вскоре установились у нас, столь разнородных существ, — произошло вот как.

Как-то раз мне, от нечего делать, захотелось совершить небольшую прогулку наверх днем. Это было, конечно, безрассудством, но я очень полагалась на свое умение изворачиваться в трудных случаях.

Я бесшумно пролезла в расширенный мною ход за печкой и осторожно начала пробираться вдоль стенки, все время работая своими носом, усиками и глазами, т. е., попросту говоря, кругом обнюхивая, ощупывая и всматриваясь... Выглянув из-за печки, я увидела небольшого человечка,

одетого в цветные тряпки. Эти тряпки почему-то меня более заинтересовали, чем сам человек, но дело оказалось очень просто: это были те самые тряпки, по которым мне пришлось перебираться, когда я удирала от собаки. Я догадалась, что предмет, тогда преградивший мне дорогу, был именно этот человек; это он упал с криком от испуга перед неожиданно появившейся крысой.

Маленький человек занимался удивительным делом. Он макал длинной соломинкой в какой-то предмет, напоминавший некоторые предметы нашей кладовой, и затем вставлял эту соломинку в рот. Я была убеждена, что маленький человек занимался самым естественным делом — едой. Мы, крысы, тоже иногда макали свои хвосты во вкусное молоко и затем облизывали его с аппетитом.

Однако дальнейшее поведение человечка было уже прямо неестественно. Вместо того, чтобы обсасывать соломинку, он проделывал с ней что-то во рту, отчего на другом конце ее раздувался большой, играющий разными цветами шар. Шар этот иногда отрывался и плавно носился по воздуху, а маленький человек в это время прыгал по комнате и производил такой шум своими ногами, что я даже подумывала: не улепетнуть ли мне подобру-поздорову? Но я была чересчур любопытна и мне всегда хотелось все досмотреть

до конца.

Маленький человек продолжал готовить все новые и новые шары по мере того, как первые, поплавав в воздухе, вдруг мгновенно исчезали с легким треском, едва уловимым моим ухом. Оглянув комнату, я увидела, что точно таким же делом был занят другой человек поменьше, стоявший немного подальше, а у светлого отверстия сидел вполне взрослый человек, тоже покрытый тряпками. Он шелестел какой-то связкой бумаг. Нужно ли разьяснять теперь, что это была мать, читавшая книгу и посматривавшая, как ее девочки пускали мыльные пузыри. Мыло, лежавшее тут же, я вскоре хорошо изучила, так как как-то на ночной прогулке попробовала его и нашла, к слову сказать, совсем несъедобным. Кусочки того же мыла лежали в воде, которая была налита в знакомые мне предметы — блюда.

Нужно же было так случиться, что один из больших шаров попал прямо в мой угол, и большая девочка вдруг внезапно увидела меня. Так как, встретив ее изумленный взгляд, я не прочла в нем угрозы, расстояние между нами было почтительное и я была близка от спасительной норки, — то я не двинула ни одним членом, чтобы пуститься наутек. В то время я еще не понимала языка и действий людей, поэтому единственным для меня мерилom опасности были только резкие движения со

стороны моих врагов. Раз их не было, то я и оставалась спокойной. Всматриваясь в меня, девочка издала какие-то тихие звуки, от которых в мою сторону обернулись и два другие существа — маленькое и большое. Но и эти обращенные на меня взгляды не повели ни к каким резким движениям, и я по-прежнему спокойно оглядывала рассматривавших меня издали трех моих, как мне тогда казалось, злейших врагов.

Однако это взаимное разглядывание длилось недолго. Обменявшись несколькими тогда для меня еще непонятными звуками, большой человек и взрослое существо двинулись с места и пошли... в сторону, противоположную мне, а затем и вовсе ушли. Я осталась наедине с одним только малым человечком, который упорно продолжал таращить свои большие глаза. Подергивая усиками носика, я тоже продолжала сохранять свою позицию и даже решила, присев на задние лапки, приподняться и получше окинуть взором окружавшую меня обстановку, тем более, что это было днем, когда все предметы были для меня, так сказать, не совсем в обычном виде.

Около одного из моих правых усиков у меня зачесалось, и я, на минуту забыв, где я, — принялась слегка умытья. Резкий звук заставил меня насторожиться. В растворившуюся дверь вошли снова те же лица; в руках у них я сразу

заметила одно из любимейших моих яств — кусочек пахучего мяса с салом. Конечно, теперь я прекрасно знаю название этого милого блюда: то была сырая ветчина.

Оба существа начали осторожно подступать ко мне, но это было уже слишком, и мое доверие к моим новым знакомым пока не могло сохраняться ближе, как на почтительном расстоянии. Поэтому, само собой разумеется, я, сломя голову, метнулась обратно за угол, из которого могла, однако, наблюдать за тем, что будут делать мои враги. А они совершили, на мой тогдашний взгляд, большое злодеяние — лакомый для меня кусочек был брошен к моему углу. Ветчина шлепнулась почти рядом с тем местом, где я только что умывалась. Удар ее о пол заставил меня вздрогнуть и броситься в свой спасительный ход. В моей голове тотчас же создалось объяснение всего происшедшего. Очевидно, люди умыслили против меня самое ужасное: порешили уничтожить меня коварным отравлением. Но они имели перед собой не обыкновенную, хотя и молодую крысу, а существо, прекрасно изучившее такие их коварные подходы. Смею вас уверить, что ветчина могла высохнуть или заплесневеть в моем углу: я не потрудилась бы даже ее обнюхать, а тем более пробовать даже ночью, как это так часто и неосторожно проделывали мои неопытные сотоварки. Впрочем,

мое презрение к людской уловке не помешало мне вновь высунуть свою мордочку и, из чувства понятного любопытства, посмотреть на слишком раннее торжество моих гонителей. Они, мне думалось, полагали, что первый шаг охоты на меня совершили удачно.

Подозрительный кусочек лежал неподалеку и предательски обдавал меня своим тонким, чудным, и, конечно, ядовитым запахом.

— Ну и пусть он лежит, — думалось мне...

Но событиям этого дня не суждено было ограничиться только этим. Долго просидела я с наполовину высунутой мордочкой, собираясь вылезть побольше, чтобы заняться дальнейшим наблюдением, как один тихий звук сразу остановил мое почти уже созревшее намерение и вызвал во мне совершенно другие мысли. Я слышала чьи-то мягкие, тихие едва-едва уловимые шаги, приближавшиеся к моему углу... Эти шаги не могли принадлежать никому иному, как кому-нибудь из ужасной породы кошек.

Будь я простой крысой, я, во-первых, может быть, и не слышала бы ужасной поступи врага, а, услышав, немедленно улепетнула бы в свое подполье. Но я была, как я не раз упоминала, необыкновенная крыса, обладавшая, кроме всех совершенств этой породы, еще более развитым соображением. Я ясно видела, что щель между

печью и стеной была слишком узка даже для молодой кошки, а котенок мне был совершенно не страшен. Это обстоятельство настолько успокоило меня, что я, правда, не выдвигаясь ни на волос дальше, продолжала выглядывать из своего безопасного угла.

Шелест шагов продолжался и приближался... Запах ветчины продолжал медленно носиться в воздухе, раздражая мое обоняние.

Вот был момент двух разнородных ощущений. Вся я была полна внимания, смешанного с легким опасением, нос же против желания наслаждался чудным, понятным только крысе ароматом. Наслаждение и страх одновременно — эти два ощущения, я полагаю, не часто совпадают друг с другом!

Вдруг у меня мелькнула мысль! Что если кошка, — а это была она, я не сомневалась более, — съест приманку, поставленную для меня? Ведь ее тогда должен ожидать тот конец, который был рассчитан для меня! Ведь одним из моих заклятых врагов будет меньше! Неужели? Возможно ли? И к моим двум ощущениям прибавилось третье: чувство охватившей меня радости пред гибелью врага!

Как хотите, а у нас, у крысиной породы, это чувство не считается нехорошим, и в моей последующей жизни я не раз удивлялась, что люди

зачастую ласкали и ухаживали за своими явными врагами. Впоследствии я даже видела такие места, где люди обставляли всякими благополучиями жизнь их кровожаднейших врагов — крупных хищных зверей. Но об этом поговорим в свое время.

Что может сравниться с моей радостью и даже очарованием, когда я услышала явственные звуки чавканья, а нос мой ощутил беспорядочное колебание ветчинного аромата. Кусок, без сомнения, исчезал в зубах одной из наших истребительниц. Вскоре я услышала даже тот едва уловимый звук, который свидетельствует о том, что последний глоток покончил с последними остатками пищи. Я ликовала...

Кошка, очевидно, не знала о моем присутствии так как не осталась сидеть, по обыкновению, в терпеливом ожидании у моего угла, где я сидела, как истукан, а прежней тихой поступью пошла прочь. Жребий брошен и выпал... не мне. Будем ждать последствий!..

Мне так захотелось узнать, кто же был моим заместителем, что я тихо, тихо, стараясь не производить ни малейшего шороха, прокралась к просвету щели, чтобы хоть мельком взглянуть на кошку. Это мне удалось, и представьте уже мой восторг, когда я увидела на высоком предмете только что вскочившую серую кошку с ломаным

ХВОСТОМ...

Так вот кто вынул тяжелый жребий, вот кому предстоит скорая гибель! Мне как-то сразу стало очевидно, что вместе с моим врагом погибнут еще пять-шесть таких же ужасных созданий — ее еще грудные котята. Было от чего прийти даже в сладостное умиление!

Серая кошка умывалась, вероятно, вытирая с усов все капельки ароматного мясного сока. Умывшись, она подогнула свои передние лапы, подвернула кривой хвост и, прищулив глаза, начала издавать новые для меня звуки, еще не слышанные из уст моих врагов. Это был какой-то переливчатый шепот. Теперь бы я, конечно, не удивилась этому простому мурлыканью, выражению благодушия и довольства, но тогда я ломала себе долго голову, угадывая его значение. Три человека все еще были в комнате, но я не осмеливалась исследовать их занятие: в присутствии кошки это было опасно.

Медленно пробравшись обратно в подполье, я ушла в отдаленнейший угол и, усевшись поудобнее, углубилась в сладостные мечтания, главным центром которых была гибель кошки. Словно во сне, я представляла себе картину ее страданий, ее уморительные предсмертные прыжки, беспомощное состояние деревенеющих членов, вытянувшееся вздрагивающее тело и воспаленные глаза. Рядом с этим мне рисовалась картина пяти

барахтающихся, пищущих голодных созданий, тщетно взывающих о молоке матери и медленно замирающих в тяжких объятиях смерти.

В таких мечтах я просидела довольно долго, так как мои, привыкшие к самым тонким оттенкам освещения, глаза говорили мне, что прошел час, другой — не менее. В нашем подполье этого срока было вполне достаточно, чтобы веселая крыса, попробовавшая отравы, превратилась в неподвижный труп. Поэтому, очнувшись, я смело, соблюдая только привычную осторожность, двинулась наверх для исследования. Как всегда, сделав несколько остановок, чтобы прилечь и прислушаться, я добралась до отверстия и бесшумно пролезла наружу. Через секунду я была у просвета печки и стены.

О, ужас! Серая кошка лежала все на том же высоком предмете, на который вскочила после еды. Это был не труп, а живое, грозное тело, подрагивавшее в сладкой дремоте. Я в своем углу и кошка на табурете — обе мы, очевидно, провели часа два в мечтаниях и, быть может, обе в мечтаниях о гибели своих врагов. Каким разочарованием для меня была мысль о том, что серой кошке могли грезиться также муки, но только не кошек, а крыс нашего подполья, корчившихся в ее цепких, ужасных лапах! Такого удара своим чудным грезам я не ожидала. Но отравы? Почему

она не оказала своего губительного действия? Может быть, то, что ядовито для нас, то полезно для кошек? Нет, это не так. Я хорошо помню, как из нашей кладовой люди выбросили за хвост двух громадных котов, поевших отравленного мяса для крыс. Очевидно, что и на этот раз нельзя было предполагать безвредности отравы для серой кошки.

В чем же дело? Может быть, еще рано, и яд пока не подействовал? Но нет... и этого не должно быть, так как я хорошо знаю, что очень скоро после принятия отравленной пищи крысы становились беспокойными, их мучила жажда, они метались, как угорелые, и искали всюду смутной помощи. А тут налицо самый мирный безмятежный сон и полное благополучие. Дело в чем-нибудь ином, а не в силе яда.

Как ни странно, но простое разрешение этого жгучего для меня вопроса, что мясо не было отравлено, мне в то время в голову не пришло. Я даже расхрабрилась и захотела уверить себя насильно в том, что кошка мертва, но это было уже прямо глупо. Но чего не сделаешь с отчаяния! Я перестала быть осторожной и даже, как бы нарочно, зашумела в своем углу, задев за отставшую от стены какую-то бумагу.

Этот резкий шелестящий шорох тотчас донесся до спящей кошки, которая, не просыпаясь,

вдруг насторожилась. По крайней мере, я ясно видела, как ее подвижное ухо, усаженное изнутри чувствительными волосками, направилось в мою сторону. Кошка была жива — в том не было никакого сомнения, и производить дальнейшие опыты было безрассудно. Конечно, я не боялась нападения, но заявлять кошке чем-либо о месте моего жительства также вовсе не входило в мои планы. Это значило бы создать себе ни с того ни с сего новые опасности для будущих вылазок из моего нового жилья.

Мясо не было отравлено — это вне сомнений. Но тогда зачем было людям бросать его мне? Это так не вязалось с хорошо изученным мной постоянным прибеганием людей к капканам, ловушкам, отравам, что я ломала голову над разрешением нового обстоятельства, и все это... тщетно. Я узнала всю правду гораздо позже. Ах, какая это была чудная правда!

Два или три последующих дня я провела, не выходя из своего подполья, по-прежнему питаюсь запасами, собранными мышами. Даже ночью я не выходила, боясь шорохом своим выдать свое присутствие кошке, неожиданно посетившей мою верхнюю комнату. Но на четвертый я решилась на новую вылазку. Ведь, только смелые могут рассчитывать на удачу!...

И удача была...

Только что я высунула свой нос из хода, как ощутила вновь чудный аромат ветчины. И действительно: вылезши, я увидела, что около угла моего лежал еще более лакомый кусочек. На этот раз он был даже особого, более тонкого сорта; очевидно, он вышел из той пахучей комнаты, где я смотрела на поединок кошки с собакой.

Есть или не есть или по крайней мере пробовать или не пробовать? — явился немедленно гнетущий для всякой лакомки-крысы вопрос.

Что мясо было не отравлено, в этом я теперь уже была уверена. Что хитрые люди иногда нарочно подкармливают зверьков безвредными яствами, чтобы в конце концов, усыпив их осторожность, погубить их отравленными, — я тогда еще не знала. Но, ведь, за куском этого чудного блюда могла скрываться какая-нибудь еще более хитроумная ловушка? Кошка в комнате быть не могла, иначе она съела бы кусок сама. Никакой шум не выдавал чьего-либо присутствия. Сознайтесь, что являлось много причин быть смелой.

И я решилась.

Осторожно подобравшись к чудному мясу, я схватила его зубами и мигом утащила в свое подполье: никакой ловушки расставлено не было...

Затащив с радости свою добычу в самый отдаленный угол, я уселась поудобнее и принялась

за еду. Ах, как чудно, бесподобно было это блюдо! В душу мою вместе с каждым новым глотком вступало неизъяснимое блаженство...

Вдруг мне вновь блеснула мысль об отраве, и аппетит мой сразу упал: добрая четверть блюда осталась недоеденной. Я затревожилась и в этой тревоге провела довольно продолжительное время, забившись в своем углу подполья. Но по мере того, как время шло и никаких признаков отравления не наступало, настроение мое все улучшалось, а вместе с ним возвращался и аппетит. Кончилось тем, что я еще с большим наслаждением доела остатки вкусного блюда и основательно умылась после такого чудного завтрака.

После хорошей еды мы, крысы, склонны бываем ко сну, и я имела на этот раз полное право не заниматься разрешением каких-либо вопросов, обыкновенно то и дело возникавших в моей жизни. Я основательно выспалась и проснулась с мыслями о том, что жизнь вообще есть прелесть, а такая, как моя, еще и особенная...

Последующие дни и ночи шли быстро одни за другими, и все они отмечались одним общим обстоятельством, которое казалось мне одинаково загадочным: у своего угла я очень часто находила положенными самые разнообразные лакомства из тех, которые мы в нашей кладовой считали всегда отборными. Это удивительное явление имело еще и

ту хорошую сторону, что я могла до поры до времени не рисковать отдаленными прогулками за запасами и в то же время могла начать составлять из недоеденного небольшие запасы на случай какого-либо насильственного затворничества. Будучи крысой, я все-таки не жаловала присутствия опасных соседей и не решилась бы на вылазки в случае многолюдства у меня наверху.

Своею жизнью я, как сказала, была очень довольна и мало думала о будущем, которое не хотела считать менее удачливым. Однако дальнейшие события привели к таким обстоятельствам, которые вдруг вновь перевернули вверх дном ход моей крысиной жизни. То, что я считала дружелюбным ко мне отношением людей, — чему, к слову сказать, я не переставала недоумевать, — оказалось таким тонким коварством, которое оставляло позади себя все людские уловки в нашей кладовой.

Одно событие привело еще к более тесному знакомству и сближению моему с моими верхними соседями и на этот раз против моей воли. Только много позже я назвала этих людей своими друзьями, а в те минуты, которые собираюсь описывать, они казались мне ни более, ни менее, как злыми чудовищами. Судите сами из последующего рассказа.

Я так привыкла к появлению у моего угла

вкусных лакомств, что даже с нетерпением ждала их, когда они долго не появлялись. Иногда мое нетерпение от ожиданий приводило меня к смелым появлениям перед лицом всех верхних обитателей, и, если бы люди, видевшие меня в эти времена моей безрассудной смелости, могли читать мои мысли, они прочитали бы в моих глазах упреки за прекращение забот о моем продовольствии. Должно быть, они все-таки что-нибудь да угадывали, так как вскоре после таких моих визитов у угла моего вновь начинали появляться новые лакомства. Я стала уже разборчивой и, утащив положенное, тотчас же появлялась вновь, если блюдо не было особенно лакомым; напротив — надолго скрывалась, когда получала хорошую порцию настоящего крысиного яства, среди которого поджаренная ветчина занимала первое место. Люди смекнули это нехитрое обстоятельство и воспользовались им для их действительно злодейского умысла.

Я должна прибавить, чтобы пояснить тонкость их ума, что условия, при которых я обретала свою даровую пищу, были самые разнообразные. Первое время это меня смущало, но потом я перестала обращать на это внимание и... напрасно, если ценить события только по ближайшим случаям.

В самом деле, я находила свои лакомые куски

разно: то они просто лежали около угла, то они были завернуты в бумагу, то воткнуты, не знаю для чего, на палку, то на каком-нибудь блюде, а раз даже подвешены на веревочке к верху табуретки, придвинутой к углу; это потребовало от меня особой уловки добыть их. Я должна была вскочить на табуретку и предварительно подгрызть веревочку. Нет ничего удивительного, что я раз нашла свою порцию нацепленной на крючок, свесившийся в какой-то блестящей загородке. Очевидно, людям нравилось следить за моим искусством утаскивать свое, освободив его от хитрых приспособлений. Я была особенно смела, так как кошки не было и в помине, а раз я даже явственно слышала, как ее просто выгнали из верхнего помещения.

И вот в один прекрасный вечер, найдя свою ожидаемую добычу в вышеупомянутой загородке, я смело вступила в не особенно просторный ход между железных прутьев и с сознанием, что беру свое, приступила к снятию куска ветчины с крючка.

Увы! Это занятие был роковым...

Первые же мои попытки стащить кусок привели к таким неожиданностям, что я и теперь без содрогания не могу вспомнить о тех ужасных минутах. Внезапно что-то хлопнуло, и весь решетчатый предмет как-то весь припрыгнул. Секунда!.. И я бросилась обратно из узкого

прохода, но... он был уже перегорожен твердой гладкой стеной.

Не теряя ни минуты, я быстро забегала среди прутьев, забыв о мясе, ища свободного выхода, чтобы хоть временно убежать от подозрительного грохота. Но тщетно: кругом были одни только прутья, да эта непонятная для меня твердая стенка. Я металась, как безумная, из стороны в сторону, вцеплялась когтями и зубами в прутья, пыталась их перегрызть или отогнуть, теребила болтавшийся у потолка крючок с неоторванным куском.

Но все усилия мои были напрасны: везде я встречала то вещество, которое совершенно не поддается нашим зубам. Одно только дно было деревянное, но и в него вцепиться или вгрызться было трудно, так как оно было ровно, и прутья отвесно упирались в самый его низ. Все же я не теряла присутствия духа и быстро работала то там, то здесь своими острыми резцами, желая, хоть немного, увеличить до невозможности узкие промежутки между прутьями и дном. Однако я только быстро и заметно уставала, ни на волосок не приближая себя к спасению из дьявольской ловушки.

Конец, конец... Еще несколько времени, и я обращаю внимание на себя кого-нибудь из живших здесь людей. И в какую минуту! Когда я не имею поблизости ни малейшего признака спасительного

убежища — ни тесного угла, ни перевернутой кадки, ни, хотя бы мышшиной, дырки...

Ужас! Самый страшный крысиный ужас! О, люди, как вы беспощадны!..

Грохот захлопнувшей западни и моя возня в узкой клетке действительно привели к тому, что на длинном предмете, стоявшем вдоль большой стены, вдруг ясно обозначилась фигура встающего человека. Это была страшная няня детей. В прежние встречи она глядела на меня со злобой и в то же время со страхом, но на этот раз я встретила только злобный взгляд, в котором пробежала даже усмешка.

Фигура отделилась от стены и подошла к ловушке. Никогда раньше я не видала так близко от себя человеческого существа. Оно протянуло свою длинную руку, взяло за что-то всю предательскую ловушку и вместе с ней подняло меня на воздух.

А я? Я даже не имела возможности, защищаясь, вцепиться своими зубами в эту огромную страшную руку: крепкие прутья отделяли мою мордочку от этих жирных пальцев, которые я, не смотря на свой страх, изгрызла бы в мгновение ока.

Но судьба была не за меня... Белая женщина — она была в белом — понесла ловушку вместе со мной в другой угол и поставила ее на табуретку, на которой когда-то мирно спала серая кошка, съевшая

принадлежащий мне по праву кусок. Поставив ловушку, женщина опять ушла на свое место, а я еще с более отчаянным рвением заработала над прутьями проклятой западни.

Наступила тихая ночь. Тишина ее прерывалась только скрипением неподдававшихся моим зубам прутьев, да еще противным дыханием трех человеческих существ. Конец... несомненный конец! С пробуждением дня меня должна постигнуть ужасная смерть. Как она свершится, — я не знала, но чуяла, что это будет смерть. Подобно всем неразумным крысам подполья, над которыми так подсмеивалась, я должна закончить свое существование насильственной смертью.

На другой день, когда, утомившись от бесплодной работы, я с помутившимся взором притаилась в бесприютном углу железной западни и приготовилась покориться своей ужасной участи, передо мной протек целый ряд событий, смысл и значение которых я представляла себе очень смутно.

Помню, что я вновь начинала биться, что на меня очень близко смотрели несколько пар людских глаз, в том числе и двух девочек, что кто-то раза два испустил крик ужаса, когда я подсакивала слишком близко к смотревшим глазам. Помню даже, что передо мной откуда-то промелькнули злые глаза серой кошки, что где-то

раздавался знакомый мне гул лающей собаки. Но все это у меня тогда сливалось в сплошной сумбур без мыслей, без впечатлений. Только сумбур этот тянулся томительно долго, и я неизменно оставалась в своей узкой темнице. Для всякого спокойного зрителя, каким я, конечно, быть не могла, было бы очевидно, что мою смерть почему-то отдаляли. Несколько яснее я стала соображать, когда меня внесли в огромную комнату с новым диковинным подбором предметов.

Теперь, спокойная повествовательница, я могу сказать, что это был огромный кабинет отца девочек, уставленный шкафами с книгами, рабочими столами, горшками с цветами и различными клетками и ящиками, в которых, оказалось, жили узниками также различные зверьки и птицы.

Мою ловушку поставили на стол перед огромным светлым отверстием, широким окном, как следует сказать теперь. В эту комнату меня внес сам хозяин кабинета, большой человек с глазами, которые показались мне тогда страшными, но в которых в моей последующей жизни я видела необыкновенную доброту.

Время от времени я продолжала еще свои тщетные попытки выбраться, но большую часть времени все-таки проводила в спокойном забытьи.

Однако никакое чувство не бывает

бесконечным, и мало-помалу моя голова также начала проясняться и в ней закопошились мысли. Волей-неволей, а пришлось сколько-нибудь обдумать мое настоящее положение, которое как-то само собой перестало быть безнадежным.

Дальнейшие события показали, что это было так и в действительности.

IV

Мое новое помещение. — Кабинет и его читатели. — Одиночество и его последствия. — Первые шаги самообразования.

Я и теперь еще недостаточно ясно представляю себе причину, почему я, не в пример остальным крысам дома, не была убита, а, напротив, попала в условия, еще более благоприятные в известном отношении, нежели жизнь в двух подпольях. Стараясь разрешить этот вопрос теперь, я останавливаюсь на мысли, что тут дело было не без участия двух девочек и их матери, которые в последующей моей жизни, как будет видно, осыпали меня одними только ласками.

Впрочем, справедливее всего будет отнести все просто к счастливой судьбе моей, не допускавшей рано погибнуть такой рассудительной крысе, какой я была тогда и какой еще более стала впоследствии.

Не прошло дня после пережитых ужасов, как я была водворена в просторное помещение из железных прутьев и с металлическим дном. Это помещение было неизмеримо мало в сравнении с подпольями, но оно было все же просторно для свободных движений, а главное, находилось в чудном месте. Клетка, о которой идет речь, стояла на широком подоконнике неподалеку от большого стеклянного сосуда с растениями и водой, в которой двигались предиковинные в то время для меня создания — рыбы.

Я видела их еще впервые. Окно выходило на просторное место, обставленное какими-то высокими предметами с цветными вершинами; между ними вились вдаль желтые, широкие пути, цвета подпольных опилок. Они шли среди цветистых кучек и подстилок. Короче — таким мне показался тогда чудный сад в цвету, на который выходило окно рабочего кабинета хозяина дома. Сам кабинет, когда я свыклась с неволей, был для меня интересен не своеобразностью новых для меня предметов, — я начинала привыкать к постоянной смене обстановок, — а тем, что он был полон жизни. Я говорю не о людях, которые то и дело приходили сюда, а о тех новых для меня животных, которые, подобно мне, жили здесь, хоть в холе, да в неволе.

В то время я долго не могла успокоиться от

сильных впечатлений, производимых на меня всяким новым живым созданием, так неожиданно появившимся перед моим испуганным взором. Но теперь, когда все в далеком, дивном прошлом, я постараюсь отнестись спокойнее к своему повествованию.

Моими соседями по несчастью или счастью, как хотите, были: рыженькая белка, как оказалось впоследствии, довольно глупое существо, три премилых, но тоже глуповатых кролика, серый попугай, сидевший в высокой клетке, разные ползающие и шмыгающие животные, жившие в просторном ящике, покрытом сверху проволоочной сеткой, да рыбы, о которых я уже упомянула. Это были постоянные обитатели кабинета, а временами в нем бывали и другие.

Попав в свою просторную клетку, я первым делом позаботилась об уголке, в который могла бы скрываться, хотя бы от глаз непрошенных свидетелей. Это оказалось делом очень легким, так как в углу клетки был прикреплен целый деревянный глухой, но с хорошим круглым входом ящик, посыпанный на дне опилками. Присутствие дерева было приятно мне в том отношении, что под боком имелся запас материала, годного для подтачивания зубов.

В этом ящике, как и во всей клетке, была та особенность, что дно по желанию хозяина кабинета

— в этом я убедилась еще в день моего водворения — куда-то задвигалось с лежавшими на нем опилками и под ним оказывалось новое дно, но уже чистое. Впоследствии я вполне поняла это странное обстоятельство, так как таким путем ко мне каждый день появлялась новая подстилка из свежих чистых опилок. Это мне было по душе, так как я еще в своем старом подполье среди своих сотоварок отличалась любовью к чистоте.

Надо сказать правду, что первые дни я предпочитала сидеть в своем не совсем уютном, но все же защищенном убежище и вылезала из него только по ночам. Мучимая голодом, я выходила с щемлящим чувством не найти нигде чего-либо съестного, но как приятно было мое изумление, когда я то и дело находила на полу своей тюрьмы все, что необходимо для крысиного желудка и зубов. Последнее обстоятельство меня особенно радовало, так как, сами посудите: каково, за неимением ничего другого, разрушать собственное и единственное убежище для того только, чтобы подтачивать свои зубы! Я находила положенным и косточки, и корочки хлеба, и овощи и кусочки моего излюбленного лакомства — поджаренной ветчины. К стыду своему должна сознаться, что я все-таки кое-где погрызла деревянные стенки моего ящика. Что делать: мы так любим наши зубы!

Первое время меня огорчало только, что я не

могла делать, по привычке, запасов, но я скоро перестала об этом думать: стол мой всегда был обилен, и я никогда не могла жаловаться на голод. У меня даже был крепкий прозрачный сосудик со свежей водой. Свежая вода! — это была уже роскошь...

Но самое главное это то, что мне приходилось жить снова в обществе и, что меня смущало, очень часто в обществе людей. Правда, я скоро убедилась, что прутья клетки, не допуская моего бегства, в то же время защищали меня от вражеских нападений, но я очень хорошо заметила, что людям ничего не стоило пробраться рукой ко мне через поднимающуюся стенку, т. е. дверцу клетки. Впрочем, в случае чего, я была всегда готова пустить в дело свои острые зубы. Жить на виду у всех мне было очень не по душе, и я подолгу просиживала у себя в ящике, придумывая способы избегать общения. Однако, придумать я ничего не придумала, а через несколько дней просто вполне свыклась со своим положением. Я даже перестала бояться взглядов и движений своих обычных посетителей, из семьи моего хозяина — буду так называть хозяина кабинета, — а спустя недели две давала им щекотать себя сквозь прутья по шерстке и брала прямо из рук приносимые мне лакомства. На этом, впрочем, остановилось все наше общение, но все же с этого времени я перестала их считать

врагами, по крайней мере, по отношению ко мне.

Особенно любила я посещение двух маленьких девочек которые таскали мне разные разности, иногда даже, к удивлению моему, совсем не съедобные. В таких случаях я считала подарок предметом для точения моих зубов. Таким образом я раз уничтожила, правда безо всякого дурного умысла, принесенное мне подобие человека, за что неожиданно получила несколько диких взглядов и сердитых звуков со стороны няни. Я должна сознаться, что я так и не могла привыкнуть к этой женщине и при ее появлении у клетки уходила в свой ящик.

В последующей жизни моей я не раз убеждалась, к великому своему огорчению, что большинство людей ненавидит нас, и даже внешний вид наш у них вызывает нечто, вроде омерзения. Знаю, что многие из нас живут очень нечистоплотно, но зачем распространять недоброжелательство на всю крысиную семью? Чем мы виноваты, что природа указала нам известный образ жизни и придала этот вид, который так непривлекателен в глазах людей? Это великая несправедливость, так как мы во всем этом столько же виноваты, как те, кто ненавидит нас.

О, как дороги мне теперь те немногие люди, друзья животных, которые и в крысах видят законные творения природы! С каким чувством

благодарности вспоминаю я теперь тех первых друзей — двух девочек и их отца! Но... вернусь лучше к описанию своей жизни около этих людей...

Животные, жившие поблизости от меня, интересовали меня прежде своим видом, но потом я старалась вдуматься в значение их движений и вообще поведения. Это была трудная задача, удававшаяся мне только отчасти. Я, например, изучила, что попугай, когда он был в добром расположении, кричал как-то особенно отчетливо и при этом удивительно напоминал крик людей. Когда же он был сердит, то орал благим матом, пока раздосадованный хозяин не покрывал его клетку темным плащом. Тогда птица успокаивалась. Белка, по-моему, была просто дурочка, которая не носилась ни с какими мыслями, а поев — бегала в какой-то вертушке, побегав — ела, поев — спала, поспав — опять бегала, и так — бесконечно. Я много думала, зачем устроили ей эту вертушку, но узнала об этом уже на склоне своих лет. Оказывается, что проворство этого зверька требует постоянных упражнений, и без этого беганья белка сильно тосковала бы. Не знаю — так ли это? Я, ведь, сама не принадлежу к числу попусту бегающих животных.

Кролики, в которых я признала, как и в белке, некоторое сходство с собой по устройству передних зубов, — у них, впрочем, их больше, чем у

белки, — были вечно заняты едой и сном. Рыбы и животные большого ящика не навели меня ни на какие размышления. В то время они мне казались только потому и живыми, что двигались. Никаких соображений у них я не допускала. Жизнь меня научила, что я в этом глубоко ошибалась.

Однако так жить, как я жила, т. е. довольствоваться беспечной жизнью, можно было только на воле, где вся прелесть жизни выражается в полной свободе действий и в спокойном ожидании будущего. Какая же свобода действий была доступна для меня в этой клетке, хотя и богатой? И какие мечты могла я иметь о будущем? Все мои действия были ограничены тесным кругом области клетки. Сидя у себя в ящике, я понемногу из простой любознательной крысы превращалась в крысу-мыслителя, так как поставила себе трудно разрешимый вопрос: чем заполнить в душе своей то место, которое освободилось с потерей свободы? Над разрешением этого вопроса я ломала свою голову целые дни и ночи. Впрочем, с внешней стороны никто бы этого не заметил, так как я, наверное, казалась всем добродушной крысой, вполне примирившейся со своей судьбой, исправно евшей, забавно умывавшейся и разрешавшей некоторым щекотать ее шерстку. Но вот одно событие вновь изменило характер моей жизни, на сей раз уже не внешние ее проявления, а мой

внутренний мир.

Как сейчас помню, в кабинет вошел однажды вместе с хозяином какой-то господин, и они принялись с жаром разговаривать. Так выражаюсь я теперь. Тогда же, прислушиваясь, я слышала какой-то хаос звуков, издаваемых ими. Тут были самые разнообразные звуки: и шипящие и жужжащие, и резкие и мягкие, и певучие и сухие, отрывистые. Я слушала от нечего делать, но вскоре оба беседующих меня заинтересовали, так как от разговора они перешли к странному действию. Оба подошли к кроличьей клетке и, вытащив за уши двух из них, стали с ними что-то проделывать. Бойкие в другое время животные, после каких-то действий над ними, как-то особенно присмирели. Один из них, положенный на пол с вытянутыми врозь ногами, так и остался лежать, не шелохнувшись.

Оставив кроликов, оба приятеля подошли к попугаю и, несмотря на сопротивление и крики птицы, вытащили ее вон. Над попугаем тоже было что-то проделано, после чего птицу положили на пол, прижав ее клюв. Затем каким-то черным, вынутым из печки предметом была проведена черта на полу от самого клюва. Попугай совершенно стих и казался ошеломленным. К удивлению своему я увидела, что птица не двинулась даже и тогда, когда ее оставили свободно лежать на полу. Точно

ее привязали за клюв к полу. Положительно хозяин и его приятель совершали чудеса.

То же самое или что-то подобное было проделано с белкой и, наконец, со мной. Разумеется, я было воспротивилась насилию, но вскоре почувствовала тоже какой-то столбняк и на потеху моих мучителей, вероятно проделала что-либо вроде того, что совершили мои четвероногие и пернатый соседи. Когда я очнулась, я была уже в клетке, которую старательно запирали мой хозяин.

После таких поступков оба приятеля, как ни в чем не бывало, вновь уселись около стола и продолжали свои не понятные для меня жужжанье, шипенье, возгласы и крики.

Одно я поняла: звуки, издаваемые ими, относились к только что проделанным опытам, так как хозяин и его знакомый время от времени кивали или показывали на нас и даже подходили и пальцами дотрагивались до разных мест птицы, белки и кроликов. О, как мне хотелось проникнуть в их тайну!

Теперь я знаю отчасти эту тайну, хотя, признаться, совершенно ее не понимаю. Это явление полной покорности приказаниям и принятие самых неудобных поз объясняется действием внушения и зовется у людей «гипнозом».

Описанный случай произвел на меня сильное

впечатление. Он наваял на меня смутную думу. Что-то странное стало делаться в моем мозгу. Я стала как-то особенно сосредоточенной. Мой досуг стал рабочим временем для моего ума. Я думала, думала и додумалась...

О, с каким благодарным чувством вспоминала я впоследствии эту милую для моих старческих воспоминаний клетку, казавшуюся мне когда-то тюрьмой! Да, это была тюрьма, но она была в то же время источником широкого душевного удовлетворения! Здесь, в этом тесном жилище, зародился в моей голове тот удивительный план, осуществление которого возвысило меня над остальными животными, приблизило к недостижаемому нам, животным, идеалу — человеку и создало мне то великое чувство веры в себя, которое во всю мою последующую жизнь поддерживало меня в минуты невзгод и увеличивало полноту моих счастливых дней.

В моем подневольном жилище я дошла в своих думах до мысли стать ближе к окружавшему меня живому миру, дарившему мне все новые и новые знакомства, до мысли изучить все внешние действия живых существ настолько, чтобы по ним судить о желаниях и намерениях. Другими словами, я решила разгадать язык животных, ту речь их, которая выражается во всевозможных звуках и движениях. Особенное внимание я решила

обратить, конечно, на людей, которых считала высшими существами уже тогда, когда мой настоящий ум еще только пробуждался.

Я бралась за непосильное занятие, но оно не испугало меня, тем более, что я от него ничего не теряла: свободного времени у меня было много, а на хлебах хозяина и в особенности. Мешать мне никто не мог, и в сущности я была предоставлена себе самой. Никто особенно мной и не интересовался. И вот весь свой подневольный досуг я начала правильно посвящать своему великому делу самообразования. Если бы в те первые дни моего изучения языка я понимала речь людей, я, наверное, услышала бы о себе, что стала особенно ручной, приятной, веселой и общительной крысой. Я почти все светлое время суток проводила вне ящика, всматриваясь во всех и вслушиваясь в речи людей и крики окружавших меня животных.

Но как трудны были первые мои уроки!

Теперь, когда я уже успела пожать плоды моей когда-то кропотливой работы, я с чувством приятного и гордого удовлетворения излагаю эти первые шаги моего самообучения.

Я решила не разбрасываться и приступить к трудной задаче не сразу. Некоторое начало уже было сделано мной ранее, так как я уже привыкла разбираться в разнице между криками восторга и ужаса, радости и горя; понимала по общему

состоянию духа моих соседей, когда они были голодны, когда сыты; разобралась даже в том, какое настроение можно было назвать благодушным, какое — равнодушным, какое — гневным.

Впоследствии я убедилась, что нам, неразумным сравнительно с человеком животным, такое изучение душевного состояния по мимолетному общему обзору должно даваться легче, чем самому человеку, так как едва ли он обладает для того такой остротой зрения и впечатлительностью, как мы, звери. Для нас они имеют жизненное значение.

Мы, звери, живем в естественных условиях природы, и ночь для нас — ночь, восход солнца — утро, его закат — вечер. Люди же давно отняли у ночи часть времени и продолжают свои дневные дела при искусственном свете. Едва ли это проходит для них безнаказанно, и я, старуха, серьезно подозреваю: не от этого ли люди носят на носу различные стекла, которые они зовут очками и еще как-то. Люди избаловали себя теплым жильем и одеждой зимой и разной защитой от летней жары, и я грешным делом, думаю: не от этого ли у них происходят разные простуды и другие болезни. Люди, наконец, покорив мир выдуманными ими машинами, оружием и уловками, перестали бояться природы и утратили потому часть своей внимательности, наблюдательности и разные

сноровки. Того понимания, которое связано не с умом, а со сметкой, у нас, зверей, теперь больше.

Итак, благодаря тому, что я была вполне исправной и неглупой крысой, я многое уже успела позаприметить ранее.

Первой же новой задачей я себе поставила: запомнить те частые звуки, которые я слышала ежедневно в своей комнате, причем непременно запомнить время, место и те обстоятельства, при которых эти звуки раздавались. Пока я не останавливалась на каком-либо отдельном существе, а обратила такое особенное внимание на всех вообще.

Для этого я провела один день в полном напряжении своего слуха. И вот каковы были результаты на другой день к вечеру, когда я, укрепив в памяти звуки первого дня, проверила их во второй.

Я отметила, что мой хозяин издавал один и тот же тихий крик, когда в дверь раздавался легкий стук, а после этого тихого крика в комнату входил кто-нибудь из людей.

Я заметила, что очень часто при входе какого бы то ни было существа, даже собаки, — кстати сказать, я стала ее частенько видеть бегавшей по кабинету и саду — попугай громко издавал какое-то однообразное тараторение.

Я заметила... да, впрочем, выпишу просто,

сколько теперь помню, некоторые частые звуки одного изученного мною дня.

Хозяин кричал одно и то же перед тем, как собака ложилась в углу, хозяин кричал что-то другое, но всегда одно и то же, и — собака приходила к нему. Маленькая девочка говорила что-то очень коротенькое и ясное, когда мне что-нибудь давала. То же самое говорили другая девочка и хозяин, но они прибавляли еще несколько звуков. Я только впоследствии догадалась, что маленькая девочка произносила, по незнанию, меньше разговорных звуков, чем старшая девочка или их отец. Собака всегда одинаково взвизгивала при встрече с хозяином и особенным, но все же всегда в такие минуты одинаковым образом лаяла, когда за окном кто-нибудь проходил. Серая кошка, появления которой я перестала пугаться за своей крепкой клеткой, известным образом мяукала, когда стояла за дверью, и она же издавала другие ужасные звуки в саду, когда я видела ее дерущейся с другими кошками... И т. д., и т. д., и т. д.

Память у меня была прекрасная, и все звуки стояли передо мной, как живые, только что произнесенные.

На третий день, когда кто-нибудь стучал в дверь к хозяину, я за него мысленно кричала его криком и немедленно к радости своей слышала, как он действительно испускал выученный мною крик.

Увы, радость удачи первых моих уроков омрачалась невозможностью самой воспроизводить чуждые звуки! Этой способности я была лишена навсегда. Эту способность, но в очень слабой степени, я впоследствии нашла только у некоторых птиц — у нашего попугая она тоже была — и у некоторых людей, которые в действительности неподражаемо передавали крики всевозможных животных. Но не буду уклоняться в сторону, как это ни естественно у существа, пишущего свои воспоминания.

Я по несколько раз в день поверяла свои наблюдения предыдущих дней, и моя изумительная память меня положительно не покидала. Ежедневно я прибавляла в уме своем новые и новые крики, которые научилась понимать, и чем чаще их слышала, тем точнее усваивала их сокровенный смысл.

Окружавший меня маленький мир оживал новой жизнью... О, милое мое заточение! О, чудная тюрьма!..

V

*Мир звуков. — Печальный случай. —
Дальнейшие успехи. — Мой способ изучения чужих
дум.*

Самый богатый материал для обучения давали мне взрослые люди, но скорее и легче я начала понимать животных и детей, так как я скоро заметила, что у них было гораздо меньше разнообразия в криках, чем у взрослых людей. Из этого я заключила, что желаний и мыслей у животных меньше, чем у моих знакомых девочек, а у них меньше, чем у их отца и матери или у других взрослых.

Изучив звуки и обстоятельства, им предшествовавшие и их сопровождавшие, я приступила к изучению смысла этих звуков. Мне надобно было не только знать, что за чем следует, но что значит каждый звук — для какой цели он произносится? В некоторых случаях это было очень нетрудно, и я легко переводила их мысленно на мой собственный язык (мы, крысы, издаем мало звуков).

Я легко переводила курлыканье попугая словами «есть надо, есть надо», когда он спускался к своей чашке с орехами. Без труда понимала я и мяуканье кошки за дверью словами «пустите... пустите», а у стола, где мой хозяин резал мне ветчину, несколько иное мяуканье — словами

«дайте и мне... дайте и мне». Скоро также поняла я, что короткий звук, издаваемый маленькой девочкой, дававшей мне сухарь, значил «возьми».

Собственно слов, которые я здесь выписываю, я, конечно, как теперь, еще не понимала, но, что они означали, усваивала и уверяю: если бы я могла, то, желая поесть, я, обращаясь к попугаю, непременно прокурлыкала бы по его манере, прося мяса у кошки, замяукала бы перед ней настоящим соответствующим звуком и непременно сказала бы точь-в-точь то же слово, что девочка. Девочка говорила: «На!», — подавая кошке какой-нибудь кусочек.

Однако впереди воздвигались все большие и большие трудности, когда от звуков и отдельных мыслей я перешла к соединению нескольких звуков и нескольких мыслей вместе. Здесь я должна была сосредоточить свои исследования главным образом на речи людей, так как животные ограничивались весьма немногочисленными звуками. Конечно, как всегда, я начала с того, что было легче, а легче было изучить сколько-нибудь сносно звуки маленькой девочки, которая произносила их не особенно быстро, издавала реже и однообразнее. При всем этом я очень радовалась, что у меня была прекрасная память, а то пришлось бы мне отказаться от своего интересного изучения в самом разгаре его.

Зеленый сад стал желтым, потом голым, земля покрылась густым белым слоем, и только к этому времени я кое-как разобралась с речью моей невольной маленькой учительницы, которая к моему изумлению стала говорить гораздо сложнее, чем раньше. Я тогда недоумевала и только теперь понимаю, что девочка и сама училась говорить лучше, почему речь ее день ото дня становилась сложнее.

Однако, благодаря своему труду и памяти, я делала такие успехи, которые, радуя меня, обеспечивали мне надежды на дальнейшие благие результаты. Крики кошек, собак и моих других сожителей я уже изучила настолько, что, когда я слышала ночью из угла, где спала собака, легкое подлаивание, я просто из любопытства выбегала на ящик посмотреть, кто идет под окном. Лай собаки, вызывавший меня на это, ясно значил: «Кто это еще там шляется?». Впрочем, собака лаяла просто: «Кто там?», иногда прибавляя: «Берегись!». И если я здесь выражаюсь несколько иначе, то потому, что теперь знаю также, что собака желала придать своим простым звукам именно такой сложный смысл. Я понимала собак лучше, чем они друг друга.

Однако одно обстоятельство временно охладило пыл моего увлечения ученьем. Судьба послала случай, который чуть не стоил мне жизни,

а с нею конца всем моим удивительным начинаниям.

Позанявшись за день, сколько тому представилось возможности, я мирно дремала в своем деревянном ящике на свежих опилках, как вдруг мой тонкий слух разобрал несколько голосов, направлявшихся к нашему кабинету.

Я услышала лай собаки, кричавшей:

— Дайте, пожалуйста, дайте!

Ее перебивали голоса девочек, среди которых особенно выделялся тоненький голосок моей учительницы:

— Папа, — так звала она нашего хозяина, — неси, неси. Не урони, папа!..

Хозяин что-то отвечал, но я его речь еще плохо разбирала.

Попугай наш сильно заволновался и почему-то вообразил, что ему несут есть. Он пустился лазить по клетке и весело курлыкал:

— Есть — это хорошо... Есть — это хорошо... — прибавляя еще что-то на человеческом языке, которого у него я пока хорошенько не понимала.

Остальные сожители мои, однако, не беспокоились — белка спала, свернувшись калачиком, а кролики сбились в одну пушистую массу.

Дверь в кабинет отворилась, и в него вступила

целая компания из хозяина, двух девочек и вечно веселой и громогласной собаки. В руках у хозяина была ловушка, а в ней... одна из моих подпольных приятельниц, кто-либо из моих троюродных или четвероюродных сестриц.

Это была большая рыжая крыса, бешено рвавшаяся вон из западни. Я невольно вспомнила свое былое.

Ловушка захлопнула бедную товарку довольно неприятным образом, щелкнув дверцей ее по хвосту, отчего на нем образовалась заметная ссадина. К удивлению своему, я заметила, что иной раз, должно быть от ярости, крыса впивалась и кусала свой собственный хвост. Мне было очень жаль ее, но я не в силах была помочь.

Однако мне не пришлось много рассуждать обо всем этом событии, так как через секунду вся компания была уже около меня, и в свое оконце — вход в ящик — я увидела, как, к великой радости девочек и при громком лае собаки, хозяин ловко перепустил крысу из западни... ко мне в клетку.

Все это было так неожиданно, что я не успела даже сообразить: радоваться мне или нет?

Рыжая крыса, попав в более просторное помещение, заметалась еще сильнее, но, найдя отверстие в ящике, тотчас же забралась в мою спальню. Увидев меня, она, однако, нисколько не признала во мне родственницу и сердито лякнула

своими зубами. Признаться, я не ожидала этого от родни, но, как рассудительная крыса, тотчас же объяснила это расстройством по случаю переживаемой невзгоды.

От этого было мне не легче, так как новая и близко родственная приятельница, кажется, и не собиралась успокаиваться. Желая сколько-нибудь свести дружбу, я протянула мордочку и начала обнюхивать пришелицу. Случайно я наступила на большое место хвоста, и произошло что-то невероятное.

Рыдая, приятельница остервенилась и впилась мне в шею. Это в свою очередь не понравилось мне, и я, не долго думая, ответила тем же. Крыса повторила нападение, и через секунду в тесном ящике-спальне начался настоящий поединок крыс. Мой ум и рассудительность куда-то исчезли, и я превратилась в обыкновенную драчливую крысу. Но, право же, все это только потому, что моя соперница была положительно невменяема и мне приходилось только защищаться.

Наша драка перешла в ожесточенную борьбу, на которую уже безо всякой веселости смотрели два испуганных детских личика и смущенный хозяин. И только собака упорно лаяла:

— Дайте мне, дайте мне!..

Да откуда-то доносилось сердитое курлыканье:

— Есть хочу, а не дают... есть хочу, а не дают... — после которого следовало вновь что-то на человеческом языке.

Но мне было не до попугая и собаки. Я кончила тем, что, выгнав крысу из ящика, щелкая зубами старалась ее не впускать обратно. Такой подруги мне было не надо...

Все же не знаю, — чем бы могла кончиться эта борьба, так как, хотя я и была сильнее, но противница моя была страшно возбуждена, а ярость придавала ей сил. Она нанесла мне несколько ран, по счастью, не опасных, но могла еще нанести и более серьезные.

Видя около клетки лица людей, крыса старалась вернуться в ящик. Я отстаивала свою позицию.

Вдруг в отворенную дверцу клетки влезли какие-то огромные щипцы, и сильно ущемленная в них рыжая неприятельница, извиваясь, двинулась вон из моей клетки. Через секунду я услышала знакомый мне стук хлопнувшей западни. Я не выходила смотреть, но думаю, что моя противница вновь попала туда, откуда она так неожиданно для меня перебралась в мое помещенье.

На грустные мысли навела меня эта история. Такая печальная встреча с тем, кто был мне роднее всех из обитателей этого дома! Но я все же лелеяла мысль, что это только случай и жаждала в будущем

новых более приятных встреч с родными... Как показало время, эти надежды были напрасны.

Вскоре я зализала свои раны и совершенно оправилась от пережитого потрясения.

Остаток времени, когда земля была белой, я употребила на прочное закрепление в памяти пройденного мной и пошла в своем изучении дальше не ранее, как сад вновь стал зеленым. Однако я это делала вовсе не из каких-либо мудрых соображений. Согласитесь, что молодую крысу, хотя по уму и выше обыкновенной, мудрой все же считать нельзя. Я это делала по необходимости, и дело было весьма просто. Сидя в кабинете в своей клетке, я никогда не могла бы изучить языка маленькой девочки, так как, само собой разумеется, что-то, что говорила она в кабинете, было далеко не все, что она вообще умела говорить, и, сравнительно, даже очень, очень мало. Конечно, тогда я этого не знала, но теперь-то знаю. На мое счастье мою клетку не оставляли всегда в кабинете а по различным случаям уносили в другие комнаты. Я не могу теперь сказать, что были за причины таких переселений, но догадываюсь, что в некоторых случаях это было желание показать диковинно веселую, ручную крысу другим людям, а иной раз желание самих девочек. В первом меня убеждает то обстоятельство, что меня выносили в те комнаты, которые я теперь могу назвать

гостиной, столовой, чужими кабинетами и даже вместе с девочками возили в каком-то огромном ящике на колесах к другим людям. Что иногда меня выносили по желанию девочек, сужу по тому, что я частенько проживала на подоконнике в детской, куда мое помещение ставилось при громких ликованиях моей маленькой подруги. Впрочем, оговариваюсь: эта подруга была несравненно крупнее меня, и я ее зову маленькой только по сравнению с другими людьми.

Вот при таких-то условиях мне только-только и удалось справиться как следует с полной речью маленькой девочки, которую я видела и слышала говорящей в разнообразных случаях жизни. Я убеждена, что, если бы меня выпускали на свободу, я гораздо скорее усвоила бы себе все то, что учила, но меня не выпускали даже побегать по полу. Может быть, люди поступали благоразумно, так как и я скажу, что за крысу, пойманную уже взрослой, а не вынянченную из крысенка, никогда ручаться нельзя. Не знаю, что я выбрала бы в то время, если бы мне дали возможность уйти из клетки: свободу и прежнюю жизнь в подпольях или добровольное заключение ради дальнейшего самообразования? Однако меня не выпускали и, следовательно, этого вопроса решать не приходилось.

Дни вновь шли своей обычной чередой. Для окружающих я по-прежнему была забавной крысой,

а в своих глазах я становилась все более и более образованной. Если бы я не была полна этого чувства обогащения своего ума и не видела перед собой одну и ту же цель — «вперед, вперед на пути знания!», то я, наверное, страдала бы от чувства одиночества. Ведь, как хотите, а тяжело быть всегда одной со своими мыслями, с успехами, с планами! Никого, с кем бы поделиться ими, никого, кто бы иной раз вместе порадовался, а иной раз и погоревал бы! Я хорошо видела, что мое одиночество привело меня к моему усовершенствованию, но, когда оно было создано, я, несмотря на бывший случай, не прочь была иметь возле себя другую, такую же, как я, крысу для истинной дружбы, которой я была лишена и, увы, как оказалось — навсегда...

Усвоив язык девочки, я перешла к более основательному наблюдению над речью других людей, пользуясь для того самыми мимолетными случаями. Кое-что путало меня своей трудностью, кое-что было уже мне удивительно легко. Разбить на отдельные звуки длинную речь взрослого человека и уловить в них некоторые слова моей невольной учительницы было делом ужасно трудным и доступным — и то не всегда — только такому тонко выработавшемуся слуху, как мой. Но зато я легко разбирала смысл речи взрослого, если он обращался к кому-нибудь с короткой речью, в

которой было два-три звука, мне уже знакомых из языка маленькой девочки.

Для примера, как теперь помню, могу привести такой случай, который я для ясности изложу уже моим настоящим языком.

Я прекрасно изучила, что звуки «на», «возьми», «прими» значили одно и то же, т. е. предложение принять предмет из одних рук в другие, знала, что звуки «дай», «беру», «протяни» и кое-что другое значило противоположное, т. е. предложение сделать то же самое, но только не тем лицом, которое их говорит. В первом случае говоривший отдавал вещь, а во втором — он ее получал. Знала я также, что звуки «не», «нет» и все, на них похожие или их заключающие, значили отказ, несогласие. Так, слыша «не надо», «некогда», — я уже знала, что говоривший их отказывается от предложений и при этом — кстати замечала — часто трясся головой. Впрочем, были у меня и курьезы... Например, звук «несколько» мне всегда напоминал отсутствие чего-нибудь или отказ, а впоследствии оказалось наоборот, и «несколько кусков хлеба» вовсе не значило «ни одного куска хлеба». Но очевидно: нет правил без исключения!..

Итак, зная много отдельных длинных и коротких простых и сложных звуков (слов), я в рассказываемом мною случае хорошо понимала

слова моей учительницы: «Дайте попке воды». За ними обыкновенно следовало наливание воды в попкину ванночку.

Но вот однажды наш серый попугай слишком поусердствовал над положенными ему орехами и каким-то образом основательно подавился крупным ядром. Он как-то зауркал, закинулся навзничь и повалился с насеста вниз. Звук этот обратил внимание сидевшего за столом хозяина, который обернулся и посмотрел на задыхавшегося попугая. Увидев его, он быстро вскочил, подбежал к клетке и схватил было ванночку. Заметив, что последняя пуста, он бросился к двери и ясно ясно для меня, закричал:

— Дайте попке скорее воды!

В этих словах был новый для меня звук «скорее», и я тотчас принялась за его разрешение путем обсуждения обстоятельств, при которых он был произнесен и которые за ним последовали. Я видела хозяина несколько возбужденным, нетерпеливым, видела, как прибежавшая с водой женщина поспешно эту воду подала и как столь же поспешно хозяин влил эту воду в горло попугая.

Попугай скоро оправился, но не в этом был мой интерес. Очевидно, звук «скорее» имел отношение к поспешности. Я это вывела и ждала подтверждения, которое, к моей довольно обычной удаче, не замедлило последовать.

В этот же вечер в растворенное окно нашего кабинета влетела летучая мышь — я уже знала это животное, — и все человеческое население принялось ее ловить. Это было не так легко, так как проворное существо носилось по комнате, ловко избегая тех тряпок, которые в него бросались. Внезапно я услышала слова хозяина:

— Скорее закройте окно!

И вслед за этими словами девочка побольше быстро подбежала и захлопнула окно, как раз вовремя, так как мышь порхнула в этот момент именно к нему.

Но меня ловля более уже не интересовала, и, если бы эти люди были бы проницательнее, они заметили бы, что маленькое существо, жившее на окне в большой клетке, пришло в неопиcуемый восторг. И было отчего: еще один разгаданный звук, еще одним шагом ближе к заветной цели!

Так — медленными, но твердыми шагами я завоевывала свои новые знания и становилась существом исключительным. Кроме меня никто об этом не знал, да и узнает ли? Этого одного сознания было бы достаточно, чтобы прекратить это никому не нужное и никем не постигаемое дело моего самообразования, но в числе моих достоинств была одна черта характера, которой я столь же гордилась в жизни, как и моими знаниями, это — твердость и непоколебимость в осуществлении раз намеченной

благородной цели. Я и теперь считаю, что благородную цель всякий должен преследовать, не отступая и в то же время не ставя ее на глаза ради дешевой похвалы. Само благородство цели — вот что должно быть двигателем чистой и идейной задачи. Полагаю, что старая, дряхлая крыса в этом случае не глупее высших существ природы — людей.

VI

*Утро в кабинете. — Мир движений. —
Трудности новой задачи. — Конец венчает дело.*

Года через два все трудности изучения языка звуков были мной уже пройдены, и я свободно понимала смысл почти каждого слова человека, каждого писка и крика животного. Кроме людской речи, я изучила моим способом ржанье лошадей, мычанье коров, хрюканье свиней, блеяние овец, гоготанье гусей, кряканье домашних уток, — словом, все звуки, наполнявшие днем и ночью большой дом, где я жила, сад и двор при нем. Сад я изучала в растворенное окно, двор же изучить мне помог случай. Около трех месяцев моя клетка простояла на окне людской избы двора, но случаю отъезда моих хозяев. Против избы помещались через двор стойла, в которых стояли постоянно или временно лошади и коровы, а немного далее

находились сарай для овец и свиней — хлев.

Кроме языка этих обыкновенных в человеческом жилье животных, я научилась понимать также речи и всех диких зверьков.

Понимая общий смысл всякой речи, я все же тогда не могла бы в точности изложить все это в рассказе, как теперь, после моей богатой событиями жизни, но, так как мое одряхлевшее тело все еще сохраняет в себе свежую память, я смело передаю события моей тогдашней жизни, ручаясь за их точность.

Ручаясь! Перед кем? Какая насмешка судьбы! Воспоминания крысы! Для кого они пишутся существом, часы которого, может быть, уже сочтены? Но будь, что будет, — я стану продолжать свои воспоминания: это отрада для бедной старухи...

Для меня наступила особая пора жизни. Завеса спала с глаз, и я видела чудный мир в его истинном величии, которое кроется в понимании его.

Как приятно было мне просыпаться в своей клетке у растворенного окна и слышать встречу утра и дня самыми разнообразными существами!

Первыми обыкновенно просыпались петухи — я говорю о дневных существах — и один за другим громогласно оповещали:

— Скоро восхо-о-о-о-о-д!

Прекурьезно это было у молодых, которые сильно картавили и глотали звуки. Они просто кричали:

— Скоргхохо-од!

И даже последний звук не тянули так долго, как старики.

За ними просыпались воробьи, а издали слышалось карканье в роще ворон.

Воробьи большею частью тараторили одну и ту же свою фразу:

— Вот и день!.. Есть, есть... где еда? Ищи, ищи, ищи...

И затем уже это «ищи» мне прямо надоедало. Вороны тянулись разрозненной стаей с соседней рощи и на всю окрестность кричали:

— Вставать пор...ра!

А их в некотором роде родственницы, сороки, вскоре отвечали им:

— Так-так-так... Так-так-так...

После этого уже начинался целый хор звуков, в шуме которого величественно поднималось из-за дальнего леса чудное солнце.

В кабинете у нас обыкновенно жизнь начиналась чуть-чуть позднее, и перед ее проявлением просто слышалась какая-то возня.

Мои соседи все были молчаливы, и только попка в клетке, завешанной плащом, начинал курлыкать по-попугайчи: